

31/2

С арестантским уважением
и братским теплом

Олег Анатольевич Навальный

3½. С арестантским уважением и братским теплом

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68307685

3½. С арестантским уважением и братским теплом / Олег Навальный:

Индивидуум; Москва; 2019

ISBN 978-5-6040721-1-0

Аннотация

В декабре 2014 года братья Олег и Алексей Навальные были осуждены по «делу "Ив Роше"». Алексей получил 3½ года условно, Олег – 3½ года колонии. Европейский суд по правам человека признал приговор произвольным и необоснованным, но Олег отсидел весь срок, 1278 дней. В этой книге, большая часть которой была написана в колонии, он изложил все, что произошло с ним за это время. И снабдил рассказ подробнейшими схемами и иллюстрациями. Из нее можно узнать, чем «красная» зона отличается от «черной», зачем в тюрьме нужны простыни и полотенца, что такое СУС, БУР и АУЕ, куда прятать сим-карту при обыске и почему Чубакка стал осужденным. Но главное – это книга о том, как не теряться даже в самых диких, страшных и нелепых обстоятельствах.

Содержание

Вступление	6
Почта	10
Возбуждение дела	21
Следствие	25
Ничегонеделанье	38
Суд	43
Арест	54
Карантин	63
Баня	70
Первый день в СИЗО	77
Наладка	89
Коммуникация	107
Рынок	114
Допрос обвиняемого Чубакки	125
Руслан	133
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Олег Навальный

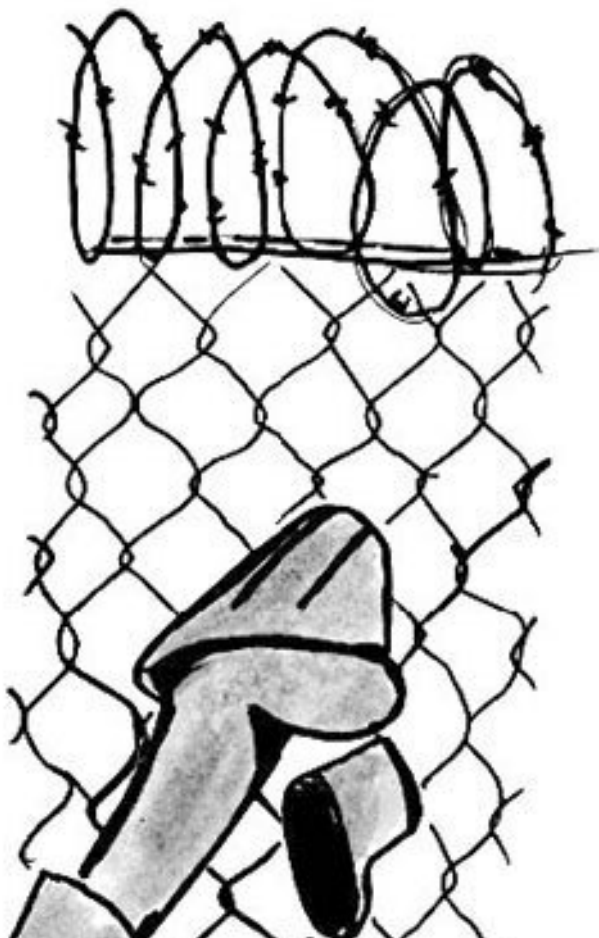
3½. С арестантским уважением и братским теплом

© Навальный О., 2018

© ООО «Индивидуум Принт», 2019

Редактор Дмитрий Голубовский

Редакция благодарит за помощь в подготовке книги: Анастасию Чуковскую, Кирилла Полозова, Алевтину Демиденко, Александра Уткина, Анастасию Павлюченкову, Маргариту Мельникову, Бориса Воропаева, сотрудников изданий «Медуза», «Батенька, да вы трансформер» и «Московский комсомолец»

Вступление

Вот так я примерно выгляжу:

Надо сразу представлять себе персонажа книги, а то часто так бывает: прочитаешь, а потом увидишь ее героя на фотографии – или актера в кино – и думаешь: «Фу какой». Главным образом не потому что действительно «фу», а потому что образ мысленный и образ явленный до отвращения не соответствуют друг другу.

Чтобы картина была более полной: по разным оценкам, мой рост составляет от 1,88 до 1,9 м, а вес – от 85 до 90 кг. Не могу сказать, какой я из «вертов» – «экстра» или «интро», потому что постоянно забываю значения этих слов. В карточке новорожденного у меня было записано: «Врожденная асимметрия лица». Это, собственно, норма, просто врачиха оказалась формалисткой. Но мама рассказывала, что сначала во мне искали признаки асимметричности Сильвестра Сталлоне.

Книга эта про то, как я слегка посидел в тюрьме, и о достаточно скучных событиях, которые этому сопутствовали. Большая часть ее была написана, когда я сидел в колонии, меньшая – после того, как я вышел на свободу. Прочитав ее, вы вряд ли сможете в полной мере понять, что такое русская тюрьма. Эта книга про тюрьму в тюрьме, а иногда и про тюрьму внутри тюрьмы внутри тюрьмы, но все эти тюрьмы – мои, персональные. То есть похожий опыт вы могли бы получить, только если бы были мною между 2015 и 2018 годами.

Вообще говоря, причину, по которой я попал в душевные

объятия уголовно-исполнительной системы, можно описать в четырех словах: «Я брат моего брата» (ака Бро). Но даже для российской системы правосудия, относящейся к закону с легким пренебрежением, такого основания было бы недостаточно, чтобы сделать из меня узника. Поэтому составом преступления было признано нечто другое, о чем речь пойдет ниже.

Широким кругам я и мои злоключения неизвестны. Круги узкие знают обо мне как о брате чувака, который тычет острой палкой Путина и его жуликоватое окружение. А про уголовное дело мое известно только то, что оно имени «Ив Роше». Так что, наверное, будет правильным начать с легкой предыстории.

Почта

Когда-то я работал в «Почте России», гостеприимные отделения которой вы наверняка не раз посещали. Ну, знаете, это там, где обед наступает в самый непредсказуемый, максимально неудобный для вас момент. Где письма принимаются десятками минут, а посылки выдаются часами. Где часто не бывает марок и конвертов и так же часто случается плохое настроение у оператора связи, у которого на груди улыбается бейджик: «Почта меняется».

Так вот, из этих порталов мучений почта жиденькими ручейками стекается в по-советски грандиозные и неудобные постройки – шлюзы, в которых формируется почтовое болото. Посмеявшись над моей специализацией («Экономическая и информационная безопасность в финансово-банковской сфере») и утерев рукавом слезу иронии, Вселенная отравила меня работать в главное шлюзовое управление, в терминологии Империи зла – ГЦМПП (Главный центр магистральных перевозок почты). В целом достаточно интересно. Каждый день что-то новое. КПД примерно два процента. Но работа всегда на пределе. Конечно, через некоторое время я стал взрывать мозги друзей и родных историями из жизни почты.

Видимо, эти-то истории и натолкнули моего брата на отличнейшую идею – электронный сервис подписки. Не ду-

маю, что многие из вас, уважаемые читатели, хоть раз в жизни оформляли подписку на газеты и журналы. Как и все, что связано с посещением почтового отделения, этот процесс погружает в состояние полного отчаяния. Задумка была в том, чтобы сделать что-то удобное: хороший сайт, мобильное приложение, подписку через платежный терминал и т. д. Мы готовы были избавить измученных россиян от необходимости общения с почтовиками и возложить эту тяжелую ношу на хрупкие, но гордо расправленные плечи новой компании. Проект показался нам очень перспективным, был ментально одобрен, и Бро пошел делать компанию со звучным названием «Главное подписное агентство» (или «Главподписка»), а я принялся за полевые исследования.

Уже тогда брат начал обличать всяких властных гадов, поэтому угроза для любого бизнеса, в котором он участвовал, просматривалась. Но главной причиной того, что мы решили оформить свои права владения «Главподпиской» через зарубежную компанию, была все-таки выгода и процедурная простота, а не соображения безопасности. Очевидно, что для развития подобного бизнеса потребовались бы значительные расходы на маркетинг, которых мы себе позволить не могли, поэтому план был такой: компания выстраивает схему, делает сайт и приложение, обрастает контрактами с «Почтой» и издательствами, проживает пару циклов подписки, а потом продается. Сделать это путем продажи головной зарубежной компании – технически проще. К тому же можно не боять-

ся того, что в любой момент к тебе придет гэбня и отберет бизнес.

Зарегистрировать компанию удалось быстро, а вот с полевыми исследованиями вышла заминка. Я отправился в ближайшее к офису отделение связи, и то, что я там увидел, превзошло все мои ожидания. Отстояв полчаса в очереди, я радостно изъявил желание оформить подписку на периодические печатные издания. Моя радость не передалась оператору связи. Более того, по его виду можно было подумать, будто он узнал во мне убийцу любимой морской свинки Пенелопы, смерть которой так резко прервала его детство. С трудом выдерживая его разрушительный взгляд, я повторил просьбу, добавив в голос капельку властности. Наградой мне были несколько бланков для оформления подписки, напечатанных, когда Брежнев еще мог играть бровями, а также легкий кивок в сторону почтовых каталогов, внешний вид которых заставил меня подумать о бубонной чуме и прочих страшных и очень заразных болезнях.

Десять минут я рылся в трех здоровенных талмудах и чуть не обезумел от количества граф, циферок и изданий типа «Геомagnetизм и аэрономия», «Клиническая и экспериментальная тиреоидология» или «Сыроделие и маслоделие». Запорю несколько бланков, я все-таки подписался на журнал Esquire, после чего, постояв в очереди еще полчаса и оплатив подписку, ретировался в отличном настроении – процесс оформления подписки в отделении оказался еще более от-

вратительным, чем я предполагал.

Но мечта о продвинутом сервисе была разрушена процедурой доставки. Из тех шести экземпляров, что я заказал, в течение полугода был доставлен только один – № 3. Мой жене его вручила взъерошенная почтальонша со словами: «Сами приходите за ним на почту, а то он дорогой, его своруют из ящика». «Главподписка», становясь контактным лицом для потребителя, должна была бы взять на себя ответственность за качество доставки, а значит, и за действия всех изнуренных жизнью почтальонов. А это, собственно, было не под силу даже самой «Почте России», поэтому проект было решено заморозить, пока не улучшится доставка.

Чтобы объяснить, чем стала заниматься «Главподписка» впоследствии, надо слегка рассказать о почте. Кто вообще отправляет посылки? Помимо родственников зеков и солдат, это делают предприятия дистанционной торговли. В конце 2000-х годов ситуация была следующая: если вы живете в столице или крупном городе, вероятность того, что, покупая что-то в интернете, вы получите заказ через «Почту России», исчезающе мала – ну, если вы не мазохист или не экономите экстремально на доставке. Но если вы счастливый житель селения Чумикан или Аян, не говоря уже о поселке Херпучи, со стопроцентной вероятностью вы активный пользователь услуг почтовой связи. Если же вы не покупаете в интернете монокини, а предпочитаете приобрести рассаду клубники в инновационной упаковке по каталогу «Сад и огород», то и

подавно.

Интернет-магазинов великое множество, но физическую упаковку и отправку продукции осуществляют не все из них, на это есть специализированные компании. Понятное дело, среди них встречаются по-настоящему гигантские фирмы, у которых есть тысячи квадратных метров складских площадей, сложнейшие логистические процедуры, иностранные акционеры и необходимость работать с почтой, чтобы обеспечивать доставку по всей России (включая город Зима в Иркутской области).

Крупнейшие из таких центров упаковки и отправки располагаются в областях, окружающих Москву (земля и труд там в разы дешевле). Но организация такого производства связана с определенными проблемами, потому что логистика в нашей стране, как и многое другое, устроена через одно место – Москву.

А теперь представьте себе следующую картинку: в каком-то городе – скажем, в Ярославле – стоит почтамт. Стоит он уже давно, потому что построен в попытке достичь коммунизма и последний раз ремонтировался, когда эти попытки еще предпринимались. В жестяных банках, подогреваемых лампой накаливания, кипит сургуч. Кружевная салфетка обрамляет факс в кабинете начальника, сам он тоскливо смотрит в окно. Что же происходит за окном?

Какие-то улыбающиеся люди в костюмах жмут руку губернатору и зачем-то бьют ярославскую землю, хранящую

отпечатки ног великих князей, лопатой, а потом и вовсе отстраивают здоровенный склад, из которого в почтамт настойчиво начинают везти посылки – с каждым днем все больше и больше. Для «Почты» все это происходит мгновенно. Сургуч все еще кипит, все та же салфетка на факсе, а посылок сдают уже по четыреста тысяч в месяц.

Заместитель начальника почтамта по производству доставит руководство для работников связи СССР, сдувает с него пыль вентилятором и пытается старыми, проверенными методами организовать обработку такого неожиданного объема. В целом это удастся, но проклятуший клиент наращивает и наращивает производство. Почта не сдастся, оптимизиру-

ет и оптимизирует, увеличивает количество рабочих маршрутов вывоза и так далее. Но вот уже нет места, чтобы поставить дополнительный компьютер, нет места, чтобы припарковать и загрузить машину, – посылками занято все здание, а рабочий коллектив предлагает брать посылки на обработку домой (к счастью, подозрительный начальник почтамта не допускает этого).

Примерно так выглядит ситуация на любом почтамте, который находится в непосредственной близости к крупным центрам дистрибуции. Тут возникает некое внутреннее противоречие. С одной стороны, на лицо объективная невозможность впихнуть невпихуемое в неподходящее здание. С другой стороны, у «Почты России» есть законодательно оформленная обязанность принять всю почту, которую ей пытаются сдать, – причем именно там, где это пытаются сделать.

Как же быть? Можно, например, подогнать клиенту фуру, набить ее посылками и отвезти туда, где их хотя бы можно выгрузить. Решение не совсем чистое с точки зрения нормативной документации, но в целом решает проблему и позволяет клиенту продолжить наращивать объем. Все это работает, пока не случается смена руководства в центральном аппарате почты и не приходит жестокий оптимизатор, который недоумевает: почему этот почтамт платит десятки миллионов рублей за доставку от склада в Ярославле в отделение связи в Москве? Руководство новое, поэтому страш-

ное. В результате без попыток объяснить, почему все происходит так, как происходит, моргающий начальник почтамта выполняет распоряжение начальства. Почта перестает забирать продукцию со склада клиента, и тот остается один на один с горами посылок.

Примерно так и произошло в 2008 году с компанией «Ив Роше»: акцент с клиентоориентированности был смещен на экономию – все, что не влезло в местный почтамт, поехало в Москву, но уже не как обычные посылки, а как груз. Дело в том, что за перевозку груза, в отличие от посылки, в стоимость которой включена доставка, платит клиент. Проблем добавили только-только вышедшие ограничения на въезд грузового транспорта в центр Москвы, где исторически располагались основные производственные мощности почты, и это дополнительно увеличило издержки.

Как-то раз меня занесло на производственное совещание, где я не был нужен, да и сути его особо не уловил. Видимо, вызван я был для представительности собрания. Зато именно тогда я познакомился с чудесной девушкой Жанной. Она работала в логистике «Ив Роше», так что на перекуре после совещания мы нашли о чем поговорить. Она пожаловалась, что не может стабильно организовать вывоз своих посылок из Ярославля в Москву. Я хорошо знал разных перевозчиков и сказал, что без проблем организую вывоз по тарифам, которые они сами назовут. Через неделю она назвала тариф. Через две недели я нашел перевозчиков, которые возят кол-

басу из Москвы в Ярославль, а обратно едут пустыми. Через четыре я нанял пару диспетчеров, бухгалтера и директора для координации между французскими парфюмерами и русскими мясниками, и доселе простаивавшая «Главподписка» начала подзашибать деньги.

Собственно, «Главподписку» я стал использовать для этих целей, так как это была готовая компания, и смысла создавать что-то новое не было. Брата я уведомил о начале деятельности уже постфактум. Не сказал бы, что это вызвало у него большой интерес – ему и своих забот хватало. Да и что тут, собственно, удивительного – перевозил и перевозил.

Позже я заполучил еще одного клиента – Многопрофильную процессинговую компанию (МПК), которой нужно было доставлять квитанции оплаты до почтамтов России. Кажется бы, почему «Почта» не могла это делать сама? Дело в том, что это очень косное предприятие, которое оказывает услуги только по определенному стандарту. Если клиент просит напечатать сто тысяч квитанций, разделить их на пятнадцать кучек и в течение двух суток доставить до занесенных снегом уральских почтамтов, клиентская служба «Почты» может в ответ лишь поморгать и перечислить, что есть в преЙскуранте. Ну а у «Главподписки» аппарат управления состоял не из полутора тысяч человек, а из одного меня, поэтому я без труда разработал схему доставки, заключил договоры с десятком перевозчиков в России и начал работать.

Собственно, на этом развитие «Главподписки» и завер-

шилось: меня как подающего надежды специалиста по логистике начали переводить на самые напряженные участки работы, и это съедало все мое время. На развитие бизнеса времени не оставалось, ну а отработанные схемы стабильно функционировали. Транспорт заказывался и поставлялся, диспетчеры выполняли свою работу почти без сбоев, мое непосредственное участие требовалось крайне редко.

У моих родителей было собственное дело – производство плетеной мебели, организованное в отремонтированном деревенском клубе в Московской области. Заработанные на «Главподписке» деньги я направил на то, чтобы частично расширить и перестроить это помещение, и имел планы сделать на его базе небольшой распределительный центр для экспресс-грузов. К сожалению, ничему этому сбыться не было суждено, и вот почему.

Шел 2012 год, и мой брат уже был обвиняемым по делу «Кировлеса», в рамках которого СК и ФСБ пришли зачем-то с обыском на предприятие родителей – видимо, хотели нарыть шокирующий компромат. Но для людей, открывших свое дело в 90-х, мои родители – подозрительно порядочные предприниматели. Поэтому, собственно, они и владели небольшим бизнесом народного промысла, а не цементным заводом например. СК и ФСБ ничего у них не нашли, зато вскрыли помещения «Главподписки» и обнаружили там транспортную документацию – которую они решили изъять.

Ну, изъяли и изъяли. Никаких опасений по этому пово-

ду у меня не было. Предприятие суперпрозрачное: все расчеты исключительно безналом, все контрагенты – крупные компании, договоры заключены и исполняются без претензий, все налоги платятся и так далее. Может, не очень технично для транспортной конторы, но, согласитесь, надо быть совсем тупым, чтобы вести бизнес всерую, имея брата, который является главным популяризатором лозунга «Путин – вор».

Возбуждение дела

На календаре 12.12.2012, сколько-то там утра. Я на совещании в «EMS Почта России». Как всегда, пытаюсь понять, почему все так плохо работают (я перфекционист). Тут у меня начинает разрываться телефон. Все, кто работает в логистике, знают, что телефон выполняет свой функционал 24/7, игнорируя запросы организма на сон и семьи на отпуск. Но тогда он начал разрываться по-особенному – в основном звонили родственники. Вижу, звонит мать, потом жена, звонит тетя и даже брат (это большая редкость), причем звонят, перемежая друг друга. Думаю, надо бы узнать, что за неприязнь в семействе, делаю особо недовольно-грозное лицо и каким-то назиданием заканчиваю производственное совещание.

Выслушиваю новость о том, что возбуждено уголовное дело – против меня (первое) и моего брата (второе). Никому пока ничего не предъявили, зато все широко анонсировали в СМИ. Даже топ «Яндекса» подтверждал, что я – фигурант. Звонит знакомый безопасник из «Почты», говорит: «Привет, Олег Анатолич, к тебе едут гости, будут через полчаса». Отвечаю: «Спасибо, дорогой», – и отдаю помощнице ноутбук, планшет и телефон. Не то чтобы там были какие-то секреты, просто знаю я эти обыски – отберут все, а у меня в ноутбуке, может, вся логистическая мощь «Почты России»

запрятана. Старушке и так тяжело, а тут последние силы в вещдок обратят.

А откуда почтовый безопасник знал? Ну, «Почта» ведь служба федеральная, поэтому силовики всегда сообщают местным, если что-то затевают, хотя бы потому, что самим разобраться было бы тяжело. Ну а то, что безопасник предупредил, очень хорошо демонстрирует, как даже охранительные службы презирают систему. Может быть, не все, но приличные люди попадают.

Когда в мой 12-метровый кабинет зашли полдюжины человек, стало тесно. Лицо главного следователя было грустным, а мое – радостным: кабинет не обладал признаками информационных носителей и вычислительной техники, зато был битком набит всевозможной документацией. «Ну, тут мы уже ничего не найдем», – понуро промямлил следователь и дал указание привести понятых. Один из них был юношей весьма корпулентным, поэтому части прибывших сотрудников пришлось удалиться на перекур до конца обыска – тело кабинета исторгло их.

И вот начался шестичасовой обыск. Мне даже было слегка жалко сыщиков, я и сам-то не мог никогда разобраться с бумагами, они лежали повсюду – вразнобой и вперемешку. Проекты модернизации лифтового хозяйства курьерских баз перемежались с простынями бюджета доходов и расходов, напечатанных «шестерочкой». Иногда попадались документы – все в красных печатях – с пугающей информацией об

обнаружении ртутного загрязнения на территории логистического хаба в аэропорту или мольба начальника Хабаровского ОСП выслать несколько комплектов зимней резины для снижения аварийности курьерского транспорта. Задача усложнялась тем, что следователи сами не знали, что ищут, поэтому на всякий случай забирали все подряд и скрупулезно вносили документы в бесконечную опись. Помимо этого изъяли кучу выуженных откуда-то флешек и компакт-дисков. Например, диск Бьорк (уж не знаю, какие следы преступлений они хотели на нем найти). А вот диск группы «Ноль» не взяли, хотя там солист к запретной вере принадлежит. Ну, то есть тогда не принадлежал – вернее, вера не была запретной. Но где же хваленая прозорливость гэбни?

Где-то после второго часа я вспомнил, что у меня в кармане лежит бумажник, а в нем есть флешка с довольно важной информацией. Опять же, для следствия ценности никакой, но все равно бы забрали. Вообще, мой личный обыск должны были начать сразу, но, видимо, отсутствие компьютера слегка сбило с толку сыщиков, и они об этом забыли. Громко объявив, что пойду-ка я перекурю (к этому моменту уже приехал адвокат, и я мог не опасаться, что в мое отсутствие в кабинете найдут, например, неопознанный палец с платиновым перстнем), я спустился на пару этажей, где протянул бумажник доверенному лицу в производственном департаменте и многозначительно сказал: «Максим, пусть постоит пока у тебя». Максим кивнул, и в его взгляде я увидел

уверение, что в случае опасности бумажник будет сожжен, а его пепел экспресс-грузом отправится на остров Пасхи.

Итак, собрав случайным образом пару коробок с документами, следственная группа завершила обыск, после чего мне было объявлено, что необходимо проехать на допрос. Думаю, москвичам будет понятно мое негодование: шесть вечера, ехать на другой конец Москвы только для того, чтобы оформить отказ от дачи показаний. Бесполезно поспорив, мы провели три часа в пробках, и еще час ушел на оформление пропусков и одного листа протокола допроса. После этого я вышел из здания СК с новым официальным статусом – подозреваемого – и запретом на пересечение МКАД.

Следствие

Следствие казалось бесконечным. По сути, оно и было немаленьким – полтора года. Следственная группа – чуть ли не дюжина человек. Основную часть из них я, к счастью, не видел. Для меня дело вообще происходило на периферии сознания. Примерно один раз в неделю мне звонил какой-нибудь знакомый, подчас весьма неожиданный, и говорил, что к нему приезжали с обыском или вызывали на допрос. Мне было очень-очень неловко, казалось, будто я сам инициатор следственных мероприятий.

В результате они допросили:

- всех сотрудников «Главподписки»;
- всех сотрудников, общавшихся со мной в МПК и «Ив Роше»;
- всех моих подчиненных в «Почте», причем во всех подразделениях, где я когда-либо работал;
- всех сотрудников и руководителей центрального аппарата «Почты», занимающихся продажами и перевозками (это очень много людей);
- всех водителей грузовиков, которые возили грузы; (Это была самая масштабная и непонятная операция следствия. Перевозки осуществлялись несколько лет. Понятное дело, что использовалось очень-очень много разных машин. В соответствии с материалами дела, водителей при помощи ФСБ

искали по всей стране, а некоторых – даже на спорных территориях, где на тот момент велись активные боевые действия, так как в означенной группе были жители Луганска.);

– всех транспортных подрядчиков «Главподписки», а их было немало (например, если требовалось доставить груз в Пыть-Ях, у меня был договор – ну, допустим, с ИП Иванютин, а Иванютиных было много по стране, и всюду их вызывали в местные СК);

– моих друзей детства! (Это уже становилось очень странным. Я начал думать, что скоро придет черед заведующей детсадом, куда я ходил. Не без доли облегчения я узнал, что Равиля Халиновна обрела вечный покой некоторое время назад, поэтому краснеть перед ней не придется.)

Причем все это сопровождалось выемками грандиозного количества документов. В финальной версии уголовного дела было 139 томов, которые на 95 % состояли из транспортных накладных, подтверждающих осуществление перевозки. Весьма забавный факт, с учетом того, что в результате я был осужден за то, что деньги брал, но ничего не перевозил.

Во время обыска у одного из сотрудников «Почты» изъяли компьютер с адресной базой и планом направлений. Это такой супернепонятный – вернее, понятный только единицам почтовиков – массив информации. Но без него ни отправить, ни перевезти почту нельзя, и только чистая случайность и резервное копирование спасли крупнейший сорти-

ровочный центр в стране от функционального блэкаута.

Уже пару раз обыскивали предприятие родителей и квартиру брата, но ко мне в гости отчего-то не заезжали. Помню, как-то из «Яндекс. Новостей» я узнал, что на наше имущество наложен арест. В том числе и на мой банковский счет и 100 014 рублей на нем. Все это, естественно, без предъявления соответствующего разрешительного, вернее ограничительного, документа нам (он появился через пару дней). Единственный источник информации – пресс-служба СК. Я поразмыслил и понял, что, скорее всего, распорядительные документы банком исполняются в течение суток. Поскольку анонс был уже после обеда, я поехал к банкомату и спокойно снял сто тысяч, оставив в качестве плевка презрения 14 рублей (на самом деле аппарат просто не выдает мелочь). Примерно через полгода какая-то автоматическая система банка прислала мне уведомление о задолженности по обслуживанию арестованного счета. Несмотря на пометку, что ответ не требуется, я все же написал что-то в духе: «Идите к черту, а деньги просите у Путина». Более меня не тревожили.

В СК я ездил с адвокатом от двух до четырех раз в месяц, знакомился с назначением бессмысленных экспертиз или с еще более бессмысленными их результатами. Кстати, должен заметить, что более неэффективной пропускной системы, чем в Следственном комитете, мне встречать не приходилось. Сначала тетка в бюро пропусков со скоростью начинающего канатоходца полностью вбивала в компьютер пас-

портные данные, а потом их же вписывала в тетрадку. Потом то же самое делал и охранник, находившийся рядом с теткой. «Гостей» мог встречать только позвавший их следователь. Кстати, эта фишка появилась благодаря моему брату: однажды по пути к кабинету следователя он сфоткал доску почета и выложил в твиттер. С тех пор посетителей перестали пускать к кабинетам одних.

Разумеется, просто принести заявку встречающий следователь не мог – ему нужно было предварительно сделать это через какую-то канцелярскую службу. Предбанник, где ждали вызванные на допрос, – не больше десяти квадратных метров. По какой-то причине всех вызывали примерно на одно время. Естественно, то канцелярия не подавала список, то следователь неправильно оформлял бумажку, то в фамилиях были ошибки. Некондиционируемая жарким летом комната была пропитана малоприятными ароматами гнева, страха, отчаяния и пота. Пот чувствовался сильнее всего.

Как-то раз летом мы особенно долго ждали, когда нас придут встречать. В тот раз следователь, тезка Окуджавы, вел себя нервно. На вопрос: «Надолго ли?» – отвечал, что сегодня – да. Адвокат, улучив момент, шепнул мне, что, скорее всего, поедут на обыски ко мне, а я шепнул ему, что сумка, которая у меня с собой (с ноутбуком и всякими важными вещами), и телефон не должны к ним попасть. Адвокат, сам бывший следак и тертый калач, степенно кивнул, как бы говоря, что все будет ок.

Он оказался прав во всем. Предъявили постановление о проведении обыска и сказали, что едем ко мне домой. Как и в ситуации с обыском в моем личном кабинете, первое, что должен был сделать следователь, – это произвести мой личный обыск. Но наш следователь был лопух. Личного обыска не было. Я (Элвис), адвокат (тертый калач) и следователь (лопух) просто покинули здание СК.

Следователь. Ну, как поедет?

Адвокат. Мы с Олегом на моей машине, а вы как хотите.

Следователь. Нет, я поеду с вами.

Адвокат. Нет, я не хочу, чтобы вы ехали в моей машине.

В таком духе мы и препирались. Технически адвокат был прав. Я не задержан, ехать могу как угодно. Следователь звонит руководству, оно орет на него в трубу, чтобы ехал с нами, разговор повторяется по кругу. Дальше адвокат делает хитрую штуку. Говорит:

– Давай, поехали с нами, но за это расширяете подписку о невыезде на Московскую область.

У меня подписка была только по Москве (из-за этого, в частности, я не мог законно ездить к родителям; приходилось это делать нелегально, испытывая в таких поездках весь спектр эмоций контрабандиста).

Следователь еще раз звонит руководству, описывает предлагаемую сделку, ему дают добро (впрочем, подписку в ито-

ге так и не расширили), все довольны, следовательно с облегчением смахивает со лба испарину и грузится в машину. Адвокат предварительно кладет в багажник свой портфель, а я – свою сумку и заодно вообще все, что у меня в карманах. Теперь это все адвокатское и обыску не подлежит.

Следователь в эйфории от успешных переговоров ничего не замечает. Мчим на юго-запад, по дороге троллим следователя, он супится. Через часок, уже у дома, я налегке иду звонить в домофон, уверенный в том, что жена, на тот момент беременная вторым ребенком, дома. Звонок. Еще звонок. Хм. Никто не подходит.

Следователь. Никого нет дома.

Я. Жена точно дома.

Следователь. Открывайте своим ключом.

Я. У меня нет ключей.

Следователь. Нет ключей от собственного дома?

Я. Зачем они мне, если дома жена?

(Домофон продолжает безответно издавать гудки.)

Следователь. Дома никого нет.

Я. Дайте телефон.

Следователь. А где ваш телефон?

(Моргает.)

Я. А с чего вы взяли, что у меня есть телефон?

(Моргаю в ответ.)

Следователь дает мне телефон. Звоню жене. Абонент вне зоны доступа. Сообщаю об этом следователю.

Следователь. Вызываем МЧС, будем вскрывать дверь.

Я. Не порите горячку, все уладится.

Судорожно соображая, что делать, вспоминаю, что через два подъезда живет моя тетья, у нее есть запасные ключи. Обысков и допросов у тети, как ни странно, не было, поэтому на всякий случай сообщаю следователю, что дубликат ключей у соседки. Тот начинает нервничать. Идем за ключами –

я, адвокат и уже два следователя (второй успел к этому моменту приехать). Еще трое сотрудников до нашего приезда выставлены на дежурство у квартиры.

Домофоним тете. Никого нет. Не сильно удивительно: будний день, 15:00. Тут, как по волшебству, появляется тетька, идущая домой. Я радостно здороваюсь. Тетя, видя странную компанию, настороже. Следователь предельно настороже. Забираю ключи, иду открывать квартиру. С домофоном и первым замком все проходит гладко. Второй по причине поломки был заменен несколько дней назад, но дубликата у тети нет. Вспоминаю об этом, пытаюсь отпереть второй замок, и сразу сообщаю об этом следователю. Тот тоном, близким к истерике, сообщает, что вызывает МЧС.

– Не порите горячку, все уладится, – говорю я. Беру у него телефон и в этот раз дозваниваюсь до жены, которая только вышла из метро – была на приеме у гинеколога (метро примерно в пятистах метрах от дома).

Я. Привет, у нас обыск, но мы не можем войти в квартиру. Это Олег.

Вико. Привет, а что с твоими ключами?

Я. Зачем ключи, если жена сегодня дома.

Вико. Окей, я скоро буду.

Я. Не торопись, помни: ты все-таки беременна.

Следователь (срывающимся голосом). Я вызываю МЧС.

Я. Просто будь раньше МЧС.

Вико. Тебе что-нибудь купить в магазине?

МЧС вызвали, но Вико их опередила, и вся честная компания в слегка взвинченном состоянии протиснулась в квартиру, обзаведясь по пути парой понятых. Квартира – 48 квадратных метров (общая площадь с балконом), поэтому тесновато и душновато, но местами удобно. Кухня, например, настолько маленькая, что я мог, не вставая со стула, взять соль в одном ее конце и передать на другой. Какой-нибудь российский вице-премьер нашел бы эту квартиру очень смешной.

Собственно, весь обыск сконцентрировался в основной комнате, где стояли шкаф, рабочий стол, пара ноутов и пара коробок с документами (взял халтуру на дом). Обыск длился часов шесть. Следователи опять переписывали документы и изъяли бесконечное количество флешек, бравшихся невесть откуда. Был и положительный момент: они нашли в одном из пиджаков мою записку. Правда, тут же ее изъяли. И знаете что? Я не могу ее у них забрать до сих пор! Хотя все имущественные аресты уж пару лет, как сняты.

Один из понятых интересовался, что же я натворил и чего ищут. Следователи молчали. На этот же вопрос, адресованный мне, я ответил: «Говорят, что украл пятьдесят миллионов. Их, наверное, и ищут». Понятой обвел глазами комнату и пробормотал что-то про то, что тема сумасшествия раскрыта.

В разгар процедуры комнату озарила вспышка. Так, без палева, Вико засняла на телефон обыск, и через минуту несколько миллионов подписчиков твиттера моего брата увидели его. Еще через минуту один из подписчиков и по совместительству руководитель следователя позвонил – и следователя отодрал. Телефон у Вико изъяли, и, спохватившись, следователь решил изъять телефон у меня. Далее происходит диалог между мной, следователем и адвокатом в прихожей площадью около двух квадратных метров.

Следователь. Где ваш телефон?

Я. У меня его нет.

Следователь. Отдайте ваш телефон.

Я. Говорю вам, у меня нет никакого телефона.

Следователь. Я должен изъять ваш телефон.

Я (адвокату). Я не понимаю, чего от меня хотят.

Адвокат (следователю). Мой подзащитный пытается понять, что вы от него хотите.

Следователь (адвокату). Я должен изъять его телефон.

Адвокат (мне). Он говорит, что хочет изъять ваш телефон.

Я (адвокату). У меня нет никакого телефона, так ему и передайте.

Адвокат (следователю). Мой подзащитный просил вас передать, что у него нет никакого телефона.

Выйдя с допроса и заполучив мой аппарат обратно из схрона, я увидел изрядное количество пропущенных вызовов с неизвестных мне городских номеров. Отзвонив по некоторым из них, я попал на автоответчики редакций и понял: «Вот она, слава!» На какое-то время я обрел нехилую медийную популярность. Журналисты раздобыли мой телефон.

Не меньший фурор дело произвело в «Почте». Во-первых, не все знали, что я не однофамилец, а непосредственный член семьи врага народа. Мне пришлось пару десятков раз выслушать: «Да ладно, ты брат Навального?!» Во-вторых, новость о деле была очень растиражирована, и в каждой статье упоминалась «Почта». Как раз в этот момент выносили старое руководство «Почты», поэтому информационный фон для Империи зла был не особо хороший: ютьюбовские ролики с выкидыванием из вагона посылок перемежались репортажами о беспрецедентных завалах в аэропортах. В завалах не было ничего нового, они на любой почте каждый Новый год, но тогда об этом писали в каждой газетке (Аркадий Дворкович так вводил своих людей в дела национального почтового оператора). В новостях про меня, по оценке пиарщиков, «Почта» упоминалась в нейтральном ключе, а само количество упоминаний было умопомрачительным, поэтому, шутя, меня даже похвалили за легкую коррекцию дискурса.

Удивительно, но меня не слили из «Почты». Безопасни-

ки проанализировали информацию от СК и, конечно же, никакого криминала в ней не обнаружили, а тем более ущерба интересам ФГУПа. СК разродился агрессивной бумагой в адрес руководства с требованием провести проверки и уволить меня, так как я негодяй и мошенник. На это им достаточно подробно ответили, что претензий ко мне на предприятии нет, и даже отозвались обо мне как об ответственном товарище.

Но бесконечно это продолжаться не могло. Видимо, давление на руководство нарастало, и уже в конце января 2013 года мое подразделение подверглось набегам бесчисленных проверок, которые, конечно же, нашли очень много нарушений почти всего и полное несоответствие производственного процесса нормативной базе.

В целом за годы работы в «Почте» я приобрел нехилый бюрократический опыт и мог бы с переменным успехом долго бороться с такими проверками и дремучими ревизорами, их возглавляющими. Но, во-первых, исход был предсказуем, а во-вторых, в таких условиях не только я, но и почти весь аппарат подразделения занимался защитой от нападков вместо того, чтобы работать. Благородно решив избавиться «Почту» от бремени, где-то в марте я написал заявление об уходе по собственному желанию и, отгуляв почти три месяца накопившегося отпуска, летом уволился.

Вообще, слегка жалко. Мне нравилось работать в «Почте». Там меня охватывало такое чувство – ну, знаете, что

можно добиться каких-то глобальных улучшений, которые могут почувствовать все. Нет-нет, не подумайте, что мотивировало меня общественное благо. Тупо – тщеславие. Хотя погодите, я ведь должен романтизировать свой образ, раз уж я герой этой книги. С этой точки зрения я работал исключительно для общества.

Ничего неделанье

Как я уже говорил, особых следственных действий со мной не проводилось. Иногда на допросы в Башню зла в Техническом переулке звали раз в неделю, а иногда и месяц не давали о себе знать. Все это тянулось жутко долго, а я уже не работал, и нужно было себя чем-то занимать. Тем более, как мне казалось, я бурлил грандиозными идеями. Нет, не так. **ГРАНДИОЗНЫМИ ИДЕЯМИ.** Довольно быстро и не особо вдумчиво я стартапировал сразу в нескольких направлениях, зарядив близких знакомых своим энтузиазмом.

Малый бизнес родителей тихонечко скончался, так как их контрагентам позвонили откуда-то и посоветовали не сотрудничать. Меня в условиях уголовного преследования, понятное дело, на работу бы никуда не взяли – по крайней мере так, чтобы мои тогдашние амбиции были удовлетворены. Бро безостановочно подвергался различным судебным преследованиям и должен был платить штрафы за моральный ущерб, который он нанес многочисленным чиновникам и всяким близким к власти хмырям.

В дополнение ко всему 2013 год был примечателен не только тем, что умер Нельсон Мандела, но и тем, что мы с Вико зачали Остапа, который вскоре примкнул к двухлетнему Степану. Казалось бы, в этих условиях жалкие крохи капитала, скопленные мною за несколько лет, надо было

тратить чрезвычайно экономно. Мой прозорливый брат примерно это мне и посоветовал. Но дебил во мне победил, поэтому все силы и средства я пустил в оборот.

Удивительно, но, проработав в крупной организации много лет и подкрепив неплохую теоретическую базу практическим опытом, я, по-моему, допустил все ошибки, которые только возможны при запуске собственных дел. Если вы откроете любую книжку или статью про то, как делать бизнес, и дойдете до раздела «Ни в коем случае не делайте этого», будьте уверены – я реализовал все пункты этого списка. Например, одним из первых шагов была покупка в офис кофеварки. Никогда не покупайте кофеварку на старте. Она создает обманчивую иллюзию благополучия.

Вообще, для меня 2013 год – это год самых неудачных решений по всем важным фронтам (за исключением зачатия Остапа, разумеется). Если в декабре 2012-го я чувствовал себя полностью счастливым хозяином жизни, то к концу 2013-го я разрушил почти все, что мог разрушить.

Мне было бы легко винить во всем обстоятельства и стресс, связанный с уголовным преследованием, но это было бы несправедливо по отношению ко Вселенной. Ужасно хотелось бы вернуться в прошлое и многого не делать, но дурацкий Эйнштейн обосновал невозможность путешествий во времени.

Как я уже говорил, в соответствии с условиями подписки о невыезде мне было запрещено покидать пределы Москвы.

Брату при этом разрешалось бывать и в Московской области, так как без выезда туда – через развязку МКАДа – он не мог бы добраться к себе в Марьино. Запрет покидать столицу я игнорировал, так как мне надо было часто бывать по делам в аэропортах и у родителей, не говоря уже о том, что периодически к ним (или от них) привозился (или увозился) наш сын (их внучек).

Ну, со мной-то легко. Еще с момента возбуждения дела я был очевидным попутчиком во всей этой истории, но все следственные действия с моим участием были крайне формальны. Бро, в свою очередь, уже имел условный срок по прошлому делу и вообще был давненько под колпаком, поэтому, когда в очередной раз было решено усилить на него давление, его поместили под домашний арест на основании того, что он ездил к родителям в гости. То, что условиями подписки о невыезде ему это было разрешено делать, роли никакой не сыграло.

Реальную посадку на тот момент я рассматривал как событие маловероятное. Вернее, просто не думал об этом. Но с момента домашнего заключения братца МКАД пересекал всегда нервно. Особенно напрягался, когда останавливали гаишники, так как не хотелось фигурировать в протоколах на территориях, где находиться мне не полагалось, а взятку давать было стремно – вдруг подстава. Но опасность – это мое второе имя, как у Остина Пауэрса.

Домашний арест при назначении наказания, связанного с

лишением свободы, засчитывается в срок один к одному. То есть весь период домашнего ареста исключается из назначенного судом. Сейчас, сидя в одиночке и царапая эти буквы, я предаюсь бесплодным мечтаниям. Если бы меня сразу поместили под домашний арест, сейчас я бы был уже на свободе, а основную часть своего наказания провел бы, играя в Sony Playstation, и это было бы намного полезнее для всех.

Осенью 2013 года нас начали знакомить с материалами уголовного дела. Вообще, скорость чтения нигде не регламентирована. Насколько я понимаю, по общей практике – один том в день. Реальный срок, который выделяют следователи, зависит от того, торопятся они с передачей дела в суд или нет. Наши поначалу не торопились, поэтому где-то раз в неделю я заезжал в СК, расписывался за то, что прочел том дела с такой-то по такую-то страницы, а адвокат кропотливо фотографировал каждый лист каждого тома. Всего 139 томов. Это много. Но так как практически все они состояли из копий транспортных накладных, то читать было почти нечего.

Весной 2014 года следователи внезапно заторопились и ограничили нам время ознакомления с делом. Я уже морально готовился к началу судебной тяжбы, хоть и не совсем представлял, что это такое. Но весьма неожиданно для всех (ну, вернее, для нас, так как со стороны обвинения-суда все происходит по заранее поступившей команде) на предварительном заседании суд вернул дело в прокуратуру для ис-

правления процессуальных нарушений. Как мне тогда говорили адвокаты, в общей практике это означает, что прокуратура дело разворачивает и закрывает. В нашем же случае это значило, что пришла команда обождать.

Самое забавное, что в результате исправления процессуальных нарушений единственное, что изменилось почти в полутора сотнях томов уголовного дела, – это обвинительное заключение, из которого удалили пару абзацев. В соответствии с законом процедуру ознакомления с материалами было необходимо пройти повторно, и я сатанел от мысли, что эта бодяга опять затягивается на полгода, – уж очень хотелось, чтобы что-нибудь уже произошло. К счастью, видимо, поступила команда разобраться с нами до конца года, поэтому весь процесс ознакомления был ужат до нескольких недель, после чего мы наконец-то предстали перед судом под справедливым и беспристрастным председательством федерального судьи Коробченко (ударение на второй слог). На вид вполне приятной телочки.

Суд

Первый судебный опыт я получил еще до начала процесса: мы пытались оспорить постановление СК, которое запрещало использовать услуги определенного адвоката. Дело было в Мосгорсуде. Я был потрясен размерами здания, его величественностью и абсолютнейшим организационным хаосом. Думаю, приблизительно ни одно заседание не начинается там вовремя. Планировка суда, скорее всего, была взята из фильма «Чародеи». Помните отчаяние героя Фарады: «Ну кто так строит?!»

Всюду шныряют судьи. В мантиях. Прямо Хогвартс какой-то. Если вздумаете там плевать в каждого встречного, то каждый второй счастливчик, получивший образец вашей ДНК, будет судьей. Позже, в «Бутырке», я очень удивился, почему зэки ждут судов по полгода. Мне кажется, с таким количеством судей и с учетом того, что приговоры они стряпают с легким пренебрежением к закону, можно за пару часов посадить всю страну.

Ну так вот, в какой-то там денек при большом стечении журналистов и начался наш процесс. Собственно, первое заседание было коротенькое. Нам сказали, в чем нас обвиняют, и проверили наши личности. Мы сказали, что не признаем себя виновными. Естественно.

После этого Бро двинул речь на ступеньках суда, а я тем

временем двинул домой. Я слишком косноязычен для речей. На всех следующих заседаниях, кроме последнего и того, где прокурор назвал запрашиваемый срок, журналистов было совсем немного. Ничего удивительного. Это было самое скучное мероприятие из тех, что мне довелось посещать. Даже вечеринка ботанов-семиклассников с обменом коллекционируемыми спичечными коробками и то интереснее.

Мои прокуроры – это Недовольная и Эллочка. Иначе их и не назовешь.

Я даже не буду возмущаться беспринципностью людей,

которым народ Российской Федерации платит за надзор за законностью и в звании которых присутствует слово «юстиция». Ведь фактически нас обвиняли капитан Справедливость и майор Справедливость. Но меня потряс их непрофессионализм. Они вообще не изучали дело, а просто бездумно читали вслух какие-то места, подчеркнутые следователями. За них было стыдно. Мы часто коротали время, подтрунивая над ними. Они не могли ответить.

Вот один пример. Когда я уволился из своего последнего филиала «Почты», начальником там был новый, зачем-то присланный бывший начальник «Почты» Карачаево-Черкесии. Эффективность его работы была весьма спорная. Достаточно сказать, что на сайте УФПС Карачаево-Черкесии была информация, что они активно используют гужевой транспорт, а сам он очень сетовал на то, что в Москве ему трудно, так как негде походить босыми ногами по земле. Ну и вообще, он профессор философии и чемпион по какой-то там борьбе одновременно. Но бюрократ опытный. Поэтому, когда из СК уже после моего увольнения пришел запрос на мою характеристику, он решил подстраховаться. Прежнее, лояльное ко мне руководство уже сняли, отношение нового было неизвестно. Поэтому он дал такую характеристику, после которой сразу становилось ясно, из-за кого именно «Почта» у нас в стране работает плохо.

Я с ужасом ждал, когда прокуроры будут читать ее на суде. Про любителя сырой земли из КЧР никому не объяснить, а

перед людьми было бы неудобно.

Читает Недовольная. Начинает: «Такого-то устроен, работал тем-то тем-то, – потом зевает и говорит: – Ну, короче, рекомендуется положительно».

У нас с адвокатом чуть челюсти не упали. Радостно улыбающиеся. Так потом в приговоре и написали: «На работе рекомендуется положительно». Если кому-то кажется, что это пустяк, то нет, личностная характеристика служит основой для определения степени социальной опасности и назначения размера наказания.

В начале процесса прокуроры и судья, видимо, не получили команду, когда нас сажать, поэтому процесс шел о-о-очень медленно. Недовольная открывала том и начинала: «Том 15. Обозреваются транспортные накладные: накладные номер такой-то, грузоотправитель такой-то, грузополучатель такой-то, груз такой-то, вес такой-то, столько-то мест, отправлено тогда-то, получено тогда-то». Можно было сойти с ума. С журналистами в зале примерно это и происходило.

Я же работал на ноутбуке, или читал Википедию (статья «Африка» о-о-очень интересная), или играл в Napoleon: Total War. На заседаниях суда прошел ее всю. Когда случайно включался звук, было неудобно.

Помимо журналистов в суде были всегда и политпроцессов. Во время каждого заседания на улице стоял одиночный пикетчик. Классный дядька, я даже с ним селфи сделал. Периодически он очень громко кричал какой-нибудь лозунг.

Наш зал был на третьем этаже и окнами выходил на противоположную от пикетчика улицу, но все равно было классно, когда судья что-то говорит, и тут с улицы: «ПУТИН УМРЕТ! РОССИЯ БУДЕТ СВОБОДНОЙ!» Обожаю такое.

Потом кто-то решил подстегнуть процесс, и прокурорки стали читать тома быстрее. Примерно так: «Том № 76. Накладные». Все. За пару заседаний они дочитали все, что надо, и приступили к допросу свидетелей. Практически все

они были свидетелями обвинения. Из всех допрошенных один сказал, что мы в чем-то виноваты. Это был г-н Нестеров.

Г-н Нестеров возглавлял следственную группу по нашему делу. И мы с Бро его изрядно размазали. Небольшой пример.

Бро. Я последовательно доказываю, что дела против меня сфабрикованы и политически мотивированы. В СК есть группа, которая ведет эти дела, в том числе о картине (это когда во Владимире украли уличную картину пенсионера Сергея Сотова «Плохой и хороший человек», там в деле участвовали генпрокурор Чайка и глава СК Бастрыкин). Почему заурядные дела преступника Навального расследует СК?

Г-н Нестеров. Вы уникальный случай, вы столько всего на совершали.

Бро. Значит, я один из лидеров преступного мира в России?

Этого г-н Нестеров утверждать не мог. Но продолжал что-то говорить об уникальности.

Вообще забавно: 139 томов говорят, что невиновны, 100 свидетелей говорят, что невиновны, только г-н Нестеров говорит по-другому, и я еду в тюрьму. Такие дела.

Впрочем, один из потерпевших предъявил нам иск, но было это так. Примерно привожу допрос потерпевшего.

Я. Как вы считаете, я обманул вашу компанию?

Потерпевший. Не знаю, мы получили письмо от СК, в котором сказано, что обманули.

Я. Зачем вы выставляете иск?

Потерпевший. Мы получили письмо от СК, где они сказали, чтобы мы выставили иск.

Я. Как вы посчитали сумму ущерба?

Потерпевший. Мы не считали, ее посчитал СК.

Не то чтобы я совсем наплевал на дело. Наоборот. Я переработал адский массив документов и, основываясь на документах СК, сделал мощную аналитическую записку, доказывающую, что сотрудничество с «Главподпиской» было выгодным. Я опроверг основные тезисы обвинения цифрами. Но, во-первых, это ничего не значило с той точки зрения, что решение все равно принималось не в этом суде, а во-вторых, у меня было стойкое ощущение, что в этом нескончаемом потоке аббревиатур почтовых подразделений – АСЦ, МСЦ, АОПМ, УФПЦ, ГУМПЛ, ДВПО – никто толком ничего не понимал. Уверен только, что разобрался мой адвокат, и временами казалось, что разбирается судья Коробченко, когда она скучающим взглядом не смотрела в окно. Ну, ее можно понять. Вроде как после процесса она ушла в декрет (не связанные события), то есть, пока судила нас, была беременной. А как говорит Вико, во время беременности женщина тупеет.

Ну вот, значит, оттремели мы последними словами. Мое, конечно, так себе. Бро опять удивил. Сколько раз его слушал, все поражаюсь. Судили его сто раз – что еще сказать можно? А все равно очень сильно сказал.

Начиналась речь так: «Сколько раз в своей жизни человек, который не занимается чем-то криминальным и противозаконным, может произнести последнее слово? Нисколько, ноль раз. Ну, если ему не повезет – один раз. Я же за последние полтора года, два года с учетом апелляций... Это, наверное, мое шестое-седьмое, может быть, десятое последнее слово. Вот эту фразу – «Подсудимый Навальный, вам предоставляется последнее слово» – я уже слышал много раз. Такое впечатление, что с последним словом – для меня, для кого-то, для всех – наступают последние дни. Постоянно от тебя требуют сказать последнее слово. Я говорю это, но, в общем-то, вижу, что последние дни – они не наступают».

А заканчивалась так: «У людей есть законное право на восстание против этой незаконной, коррумпированной власти. Этой хунты, которая украла все – все захапала. Которая триллионы долларов выкачала из нашей страны в виде нефти и газа. И что мы получили с этого? Я в этой части повторяю свое последнее слово по «Кировлесу»: пока ничего не изменилось. Мы позволили им, глядя в стол, нас ограбить. Мы позволили эти деньги ворованные инвестировать куда-то в Европу. Мы позволили им превратить нас в скотов. Что мы приобрели, чем они расплатились с вами – гля-

дядями в стол? Да ничем. Здравоохранение у нас есть? Нет у нас здравоохранения. Образование есть? Нет у нас образования. Дороги вам дали хорошие? Не дали вам хорошие дороги. Судебным приставам? Давайте спросим, какая зарплата у секретаря. Восемь тысяч. Со всеми наценками – может быть, 15 тысяч. Судебные приставы, я очень удивлюсь, если получают больше, чем 35–40 тысяч.

Парадоксальная ситуация – когда десяток жуликов всех нас, вас грабит каждый день, а мы все это терпим. Я это терпеть не буду. Повторюсь, сколько нужно будет стоять: в метре от этой клетки, в метре внутри этой клетки. Я постою – есть вещи более важные.

Хотел бы еще раз сказать: трюк удался. С моей семьей, с моими близкими. Тем не менее нужно помнить, что они меня поддерживают во всем. Но никто из них не собирался становиться политическим активистом. Поэтому нет никакой нужды сажать моего брата на восемь лет или вообще сажать. Он не собирался заниматься политической деятельностью. Уже принесено нашей семье достаточное количество боли и страданий в связи с этим. Нет никакой нужды усугублять это все. Как я уже сказал, взятие заложников меня не остановит. Но тем не менее я не вижу, зачем власти этих заложников нужно убивать сейчас.

Я призываю всех абсолютно (может быть, это наивно звучит, и над этими словами принято иронически смеяться и ухмыляться) жить не по лжи. Другого не остается. В нашей

стране сейчас другого рецепта не существует.

Я хочу поблагодарить всех за поддержку. Я хочу призвать всех жить не по лжи. Я хочу сказать, что я уверен абсолютно, что изолируют меня, посадят – на мое место придет другой. Ничего уникального или сложного я не делал. Все, что я делал, может делать любой человек. Я уверен, что и в Фонде борьбы с коррупцией, и где-то еще найдутся люди, которые будут продолжать делать то же самое, вне зависимости от решений этих судов, единственная цель которых – это придание вида законности. Спасибо».

Помню, что после вступительной речи на процессе адвокат шепнул мне: «Если бы Алексей говорил еще пять минут, я бы сам взял топор и пошел свергать режим». Уже сидя в тюрьме, я по переписке познакомился с чуваком, который под впечатлением от речи Бро сделал себе татуировку на колене – «Жить не по лжи». Естественно. Причем это не безумный какой-то человек, а совершенно нормальный. Ну, я о нем еще расскажу.

После финальных речей и запроса восьми лет колонии мне и десяти колонии брату (это было, кстати, суперудивительно, так как ни один свидетель, кроме г-на Нестерова, не сказал, что хотя бы знает его в связи с этим делом), судья объявил перерыв для подготовки и объявления приговора. Было это 19 декабря, почти через два года после возбуждения дела. Перерыв был объявлен до 15 января.

«Класс! – думал я. – На всякий случай надо отремонти-

ровать зубы на новогодних праздниках, ну и вообще подготовиться, и завершить все, что нужно завершить, не говоря уж о том, что можно спокойно праздновать Новый год».

Арест

29 декабря. День. Сплю. Вечером бывшие коллеги-контрагенты пригласили на корпоратив, и я набираюсь сил, чтобы отжечь как следует. И что же? Звонит телефон. Городской. Наверное, суд. Думаю, зачем портить себе настроение под Новый год – не беру. Опять звонит и опять. Между звонками прорывается адвокат. Говорит, приговор завтра. Твоюжеж-мать. Ну, завтра – так завтра. Сразу возникает ряд проблем.

Проблема № 1. У меня нет паспорта. Поскольку я поиздержался, квартиру пришлось продать и переехать в другую – побольше, но подальше. В общем, паспорт на регистрации. Еду вырываю его из лап бюрократии.

Проблема № 2. Нужно составить доверенность на жену, на всякий случай. 16:00. Нахожу единственную нотариальную контору, работающую до 19:00. Лечу туда. Очередь – как в мавзолей, где Ленин ожил и танцует чечетку. Через час понимаю, что забыл кошелек. Квартира за МКАДом, понимаю, что обернуться не получается. Паника. Нервы. Почему не сделал раньше? Так ведь до 15 января много времени – можно было бы успеть разрушить цивилизацию и возродить ее! Вселенная сжимается. Я нахожу две с половиной тысячи рублей в машине, и после оплаты услуг нотариуса у меня есть триста рублей. Можно на них купить шутиху и отпраздновать это событие, но у меня нет времени, а есть дела. Ведь

надо собраться в тюрьму!

Мчу домой, беру кошелек и иду в супермаркет. «Перекресток», тоже про решетку – значит, подойдет. Там уже чинно брожу между полок. На телефон скидывают раздобытый в интернете мануал «Что брать с собой в СИЗО». Первый вопрос: «Что такое СИЗО?» Ну ладно, с этим позже разберемся. В списке есть «что», но нет «сколько». Импровизирую. В некоторых случаях возникают затруднения.

Пункт 12. Мыло. Думаю, все знают шутки про тюрьму и мыло. Тут уж не до шуток. Вопрос серьезный. Рассматриваю красивую упаковку и думаю, что мыло, гарантирующее бархатистость и нежность кожи, может меня скомпрометировать. Но кто ищет, тот всегда найдет. Мыло «БАННОЕ». Упаковка очень мужественная, более мужественной ее могло бы сделать только изображение грозных глаз Чака Норриса или бороды Федора Конюхова. Беру шесть кусков.

В итоге набираю тележку с горкой. Думаю о трех вещах: у меня нет спортивной сумки; как я попру это все в тюрьму, если еле допер до машины; нужно купить термобелье. Время – примерно 21:00. Термобелье я купил – даже две пары. Видимо, в состоянии аффекта, так как детали не помню. Условно компактно все сложив, стал прощаться с женой.

Шел снег. Вернее, не помню, шел или нет, но звучит очень трагично. Так что снег шел.

С утра проснулись и засобирались. Заправляя кровать, я подбодрил жену – заявил, что вероятность моей посадки ис-

чезающе мала, но для равновесия сказал, что, судя по переносу заседания, вероятность посадки Бро сильно возрастает. Теперь должен признаться, что лукавил тогда. Еще за год я дал кому-то прогноз, что меня посадят года на четыре, а Бро нет, чтобы он почувствовал горечь и дискомфорт. Да, я почти что Ванга.

Обнял Степана и сказал ему, что он в случае чего старший мужик в семье, пусть защищает маму. По причине раннего часа Степан не хотел никого защищать, он хотел мультики. Остап, которому еще не было года, боролся с силой притяжения и, настраивая вестибулярный аппарат, всячески старался не упасть.

Так как спортивной сумки у меня не было, заранее договорились с родителями: мы должны были пересечься с ними и сформировать мне баульчик арестанта. Но сначала, конечно, я заехал за кофе. У меня была традиция: перед каждым заседанием я покупал в «Старбаксе» на Павелецкой гигантский стакан кофе, на котором красовалось имя Олежка. Мне нравилось, когда кричат: «Олежка, большой моккачино для вас!» Сначала меня переспрашивали на кассе: «Олежка?» – «Ну да, Олежка. Это как маленький Олег». Так как судов было много, через какое-то время я примелькался и меня приветствовали, едва заведев: «Здравствуйте, Олежка». Другие посетители удивлялись: рост у меня без чуть-чуть два метра, а лицо, как говорят, всегда выражает одну эмоцию – ненависть. Если шли допросы важных свидетелей, Бро просил

меня взять кофе и ему, с надписью «Борман». Допрос – дело серьезное, какие уж тут шутки.

С парковкой у суда была проблема. Все прилегающие улицы были заставлены автозаками. Их было очень много. Вообще, количество силовиков, стянутых к суду, потрясло меня. Мне казалось, контингент был достаточный, чтобы свергнуть режим в какой-нибудь из стран Прибалтики.

На некотором отдалении припарковались и встретились с матерью и отцом. Их вид был трагичен. Спортивная сумка уже была полна всего и источала материнскую заботу. Это была проблема, так как туда же надо было укладывать результаты моего вчерашнего рейда по супермаркету. В результате две трети припасов переключало в багажник. Сумка была собрана. Но одному ее нести было невозможно – понесли вдвоем с женой.

Незадолго до этого мы смотрели на YouTube ролики, где американские юристы проверяли, как работает конституция. В каком-то штате, где разрешено открытое ношение полуавтоматического оружия, но полностью автоматическое запрещено, они расхаживали по центру города с полуавтоматическим оружием, визуально неотличимым от автоматического. Чувствуете тонкость момента? Их пикировка со стражем порядка была достойна фильмов Тарантино. В конце офицер попросил прощения: «Ребята, извините за беспокойство. Отдельно отмечаю, что я не стал требовать ваши документы, так как для этого нет оснований. Также выражаю

вам благодарность: пока вы тут расхаживаете с оружием, похожим на автоматы, никому не захочется совершать правонарушения». Под большим впечатлением мы решили проверить, как работает конституция в Российской Федерации. У меня есть шапка-маска. На ней вышиты веселенькие усы, выглядит это примерно так:

Ну, я надел ее, и мы пошли. Маски не запрещены, и в соответствии с Конституцией Российской Федерации я вполне мог ее носить. Собственно, надев маску, я решил проверить, насколько сотни полицейских, окруживших суд, знают Основной закон.

Где-то за двести метров нас остановили пять раз. Документы сначала проверяли агрессивно, обнюхивали собаками, но, изучив паспорт и поняв, что я – одно из основных действующих лиц происходящего цирка, отпускали дальше, признавая, что, да, шапку носить можно.

Сам суд был огорожен. Перед узким проходом была непреодолимая толпа журналистов. Дальше случилась проблема следующего характера. Стоим полностью зажатые толпой. В одной руке у меня стакан кофе с надписью «Олежка», в другой – сумка, на другом конце сумки – жена. На голове – маска. Журналисты косятся. «Пропустите, говорю, господа. Я брат Навального, меня тут должны судить». Все смотрят с недоверием, кто-то с улыбкой, в основном с пренебрежением, подозревая во мне маргинала.

Сумку отпустить нельзя, так как есть вероятность, что ее тут же смоем людской массой. Но сумка – черт с ней. Опасаюсь за хрупкую Вико. При помощи одной только головы маску снять не могу. На помощь приходит закон, как в любом правовом государстве. С четкостью, которая свидетельствует о долгих тренировках, толпу режет клин полисменов

– из толпы выдергивают экстремиста. Экстремист выливает содержимое стаканчика с кофе на одного из стражей. Бледно-бежевые брызги почти сразу застывают на морозе и на менте, напоминая собравшимся, что скоро Новый год.

Экстремист – это я.

Экстремист кричит: «Что вы делаете, дебилы?!» – и, улучая момент, сдирает маску. Судебный пристав, стоящий на входе, узнает меня и убеждает стражей, что я не экстремист.

Пристав с укором говорит:

– Провоцируете, Олег Анатольевич.

Страж, облитый кофе, что-то мямлит про то, что маска – это спецсредства. Требую у толпы вернуть мне жену и сумку. Жену возвращают слегка взъерошенную, но веселую.

Дальше все очень стремительно. Судья читает резолютивную часть решения. Присуждает мне три с половиной года колонии. Я пишу в чат в WhatsApp друзьям: «3,5. Я поехал». Выключаю телефон и отдаю его жене. Брату присуждают три с половиной условно. Это всех шокирует.

Надевают наручники, ведут в клетку. Думаю о том, как я попру сумку один.

Когда журналисты уходят, мне через прутья клетки разрешают поцеловать жену и пожать руку отцу. Договариваемся с приставами, что из моей неподъемной сумки и практически подготовленной сумки Бро сделают что-то одно.

Бро говорит, чтобы я не переживал, о семье позаботятся. Это очень помогает.

Дело в том, что на момент приговора:

– часть моих проектов умерла и требовала деньги на похороны;

– часть моих проектов была в процессе и требовала денег на развитие;

– часть моих проектов была в стадии развития, денег еще не приносила, но иногда приносила убытки.

То есть нужны были деньги, а денег у меня как раз не было. Честно говоря, отпусти меня тогда суд, не очень представляю, как бы я выкручивался. Ну а тут такая удача – отправили на гособеспечение. Слепили сумку, и меня, в наручниках, со свитой охраны, повели куда-то вниз.

Карантин

Пишу эти строки ровнехонько через два года после того, как попал в тюрьму. Нахожу это очень символичным. Тогда символизма не подмечал. Хотя он был налицо.

Например, в зал суда можно было подняться на лифте или по широкой светлой лестнице. В подвал, из которого отправляют в СИЗО, ход был узкий, темный и безальтернативно пеший. Думаю, примерно по такому лазу какой-нибудь там папа римский сбегал из Ватикана. Символизм же моего лаза явно был в том, что арестант должен страдать, жизнь его темна.

Внизу такое небольшое помещение, предбанник: прямо – выход, направо – небольшие камеры, в них держат до прибытия автозака. Куча милиционеров с разным количеством звезд на погонах. Все очень вежливые, половина с регистраторами, половина с видеокамерами (уж не знаю, для чего они всё снимали).

Первое, с чем знакомится арестант, – это обыск, и дальше этот «знакомый» путешествует с ним повсюду. Сначала чудно, но быстро привыкаешь. Ну, это как плюнуть на все и начать путешествовать по миру с цыганским табором. Сначала – вау! А потом: конский волос повсюду, пророчества по линиям руки не такие уж точные, постоянно воняешь костром. Придается, короче.

Ну так вот, обыскали. В моменте полного ню я, конечно, потребовал прервать онлайн-трансляцию, а то мало ли. Вещи все тщательно ощупали, каждый шовчик. Потом принялись за сумку, и давай все вскрывать. Куча лапши быстрого приготовления, нарезок с колбасой, сигарет блоков двадцать, наверное. Одним словом, в тюрьму собрался. Спрашиваю: «Зачем вскрываете, в чем скрытый смысл? Ведь запечатано все». – «Порядок такой». Ну это все объясняет, конечно.

В итоге все уцелело, кроме зажигалок. Где-то на форуме перед закупкой прочел, что спички нельзя, а зажигалки можно. Все как раз наоборот. Так что все десять зажигалок остались у обыскивающих, а я остался без огня.

Но дальше у них случился ступор и паника. Дело в том, что у меня при себе было пять тысяч рублей. Ставлю свой последний шиллинг, что в обычной ситуации проблем не возникает и деньги меняют владельца. Прежнему говорят что-то в духе «не положено». Со мной случай, понятное дело, особый. Все забежали, стали звонить руководству. В результате выяснили, что со специальным актом (пришлось дополнительно звонить, выяснять, что за акт) деньги отконвоируют со мной в СИЗО, где они будут зачислены на мой счет. Фух! Все смахнули пот с фуражек. Я подумал: «Что за счет?» – и попросился покурить. Сказали, что нельзя, потом выключили регистраторы, отвели в бокс, дали сигарет и прикурить.

Курю. Из угла в угол не хожу, так как бокс – два на два метра. Думаю: хрень какая-то. Почему столько народу? Чего это вежливые все такие? Охренеть у них камеры! Ну и все в таком духе.

Минут через десять выводят, грузят в автозак. Едем. Становится еще подозрительней. В целом камазе я – один. Думаю: с одной стороны, очень удобно, а с другой – это ж сколько надо камазов, чтобы вот так возить всех зэков (это я еще не выключился из режима логиста)...

Минут через двадцать-тридцать куда-то въезжаем. Открывают, спрыгиваю – как в фильме про гусара, о котором надо замолвить слово (почему-то такая ассоциация). Глубокая большая арка, двери в ее размер. В черно-белую полоску. А может, просто черные, а сейчас кажется, что черно-белые были.

Какой-то мужик с документами подходит, говорит: «Пойдем». Пошли через маленькую дверку в здоровой арочной. Входим куда-то, все бетонное, местами выкрашено в салатovýй. В целом – аккуратненько. Пошли обыскиваться. Говорю: «Двадцать минут назад обыскивали же!» – «Порядок такой». Вздыхаю (после прошлого обыска понадобились усилия, чтобы сложить сумку так, чтобы закрывалась). Потом меня еще зачем-то смотрели на каком-то рентген-аппарате. Про себя думаю: «Погоди, погоди, это кажется, что логики нет, ты просто не врубился пока».

Смотрят вещи. Заходит какой-то хрен. Размер звезд на

погонах больше, чем у тех, что досматривают. Посмотрел на вещи, говорит: «Во вскрытых заводских упаковках нельзя». – «Как нельзя? Их двадцать минут назад в суде вскрыли». – «Порядок такой». И уходит. Стою озадаченный. И не только я. Чуваки, которые обыскивали, тоже. Потупили немного, потом говорят: «Забирай». И далее бубнежом: «Всю жизнь было можно, а тут нельзя...»

Потом увели в какую-то убитую камеру, сняли отпечатки пальцев по старинке, измазав все руки в чернилах, и сняли фотку. Причем на веб-камеру, которая была примотана изолянтной к какой-то палке.

Спрашиваю: «А что отпечатки не сканируете?» Мужик, который забрал меня из автозака, закатил глаза и говорит: «Боже, как я ненавижу свою работу».

Забавно, что такой же ответ на такой же вопрос при такой же процедуре мне дал сотрудник где-то через три месяца в колонии. Непонятно, почему боль от неправильно выбранного жизненного пути накатывает на вертухая в момент дактилоскопии. Наверное, надо быть вертухаем, чтобы понять.

Потом повели в медсанчасть. Уж не знаю, почему в тюрьме это так по-военному называется. Вырос я в расположении дивизии, поэтому точно знаю, как выглядит медсанчасть. Кабинет в «Бутырке» на нее не похож.

Доктора показали мне настороженными. Сам же я настороженно следил, чтобы кровь брали открытым при мне шприцем. Ну, знаете, спидозные иглы и прочие стереотипы

О тюрьме.

Отступление о стереотипах. В ИК-5 «Нарьшикино», где я в итоге оказался, было какое-то количество диабетиков на той стадии, когда им пять раз в день необходимо колоть инсулин. Колоть должны медработники. Но на самом-то деле – кадровый голод, да и инсулинщики сами умеют колоться. Иногда они подходили с улицы и просовывали в отверстие руку. С другой стороны отверстия сидела тетечка, которая обычно выдавала зэкам таблетки, в описываемом же случае – передавала шприц, и зэк колелся сам на улице. Шприцы были не одноразовые, а какие-то постоянного типа, достаточно модные на вид. При этом среди диабетиков попадались зэки с ВИЧ, такая вот печалька. Еще большая печалька случилась, когда стало известно, что одному вичевому и одному невичевому диабетику на недельку спутали шприцы. Вот тебе и стереотипы.

Потом пошли за матрасом и прочими благами матобеспечения. Там зэк-старичок говорит:

– Привет, Олег!

– Привет! – говорю, а сам думаю, что совсем к черту память на лица. Кто такой?

– А мы тебя со вчера ждем.

Интересно. Сам я вчера планировал услышать приговор через пару недель. Старичок продолжал:

– Да и по радио уже сказали.

– Дела... – говорю, а сам принимаю от него матрас, простыню, одеяло, миску, ложку, кружку и тапочки из кожзама 42-го размера (у меня 46-й).

– А я ведь тоже, – говорит старичок (брови его изображают крышу печальной избушки).

– В смысле?

– Из Воронежского ОНФ.

– Дела... – говорю, а сам думаю: «Да почему тоже-то?»

– Шесть лет. Да старый уже. Дочь в Москве, вот тут решил остаться.

– Ну, до свидания.

Сопровождающий, к счастью, решил, что не стоит затягивать беседу, и увел меня. Идем: коридор, коридор, коридор пошире, по бокам двери камер, посреди коридора – пост. На посту тетечка. «Ничесе, думаю, тетечка-вертухай».

– О, Олег Анатольич, ну привет!

Да уж, думаю, судя по всему, я последний узнал, что сегодня надо сидеть в тюрьме. Поздоровался со всей галантностью. Женщина, кстати, очень хорошая. Подводит к камере № 57. Это хорошо, так как я навьючен, как ишак, сумкой и матрасом и движение дается все тяжелее. Открывают.

– Нет, – говорю я после паузы, – это не может быть тюрьмой.

Внутри двое аккуратных нар, все свежее, выстиранное и чистое, туалет отдельной кабинкой, стол, стеклопакет – хоть

и за решеткой.

– Телевизора, говорю, недостает.

Женщина смеется:

– Не волнуйся, это и не тюрьма пока, а телевизора в этой хате нет. На всех не хватает.

– А что это? – сам судорожно обдумываю мысль, что если на эту хату телевизора не хватило, значит, есть такие, на которые хватило. В тюрьме, получается, в камерах бывают телевизоры.

– Это карантин.

– А-а-а.

– Мыться пойдешь?

Баня

Безусловно, баня – самый мощный тюремный культ. В каждой книжке про эков вы найдете хотя бы пару слов о ней.

Когда попадаешь в тюрьму, первым делом тебя ведут в баню (ака санобработка). В 8 утра я помылся, в 10:30 меня осудили, в 11:00 я поступил в карантин, где меня спросили, буду ли я мыться. Точно не понимая, когда снова представится такая возможность, я охотно согласился, взял полотенце и «мыльно-рыльное» (емкое тюремное название любых средств гигиены) и отправился в баню. Сам карантин тогда в «Бутырке» был свежотремонтированный, а баня – нет, и смотрелась она на общем фоне примерно как гнилой передний зуб на улыбке Анджелины Джоли. Ничего сверхмерзкого, просто не отремонтировано.

Плитка – ржаво-желтая, то ли от времени, то ли по задумке. По ней хаотично раскидана хамелеоном сеточка водопроводных труб. Почему хамелеоном? Потому что колер загнутых крюками труб был идентичен цвету стен, даже в тех местах, где плитка была сколота или просто отсутствовала. Вода, которая льется из трубы, слегка красноватая, как бы призванная напоминать о коммунистическом прошлом.

Вообще, почему баня, а не душевая? Это, скорее всего, отсылка к богатой каторжно-лагерной истории страны. Загляните в описание бани в «Записках из Мертвого дома».

Вот это жесткач. Уверен, что если Страшный суд существует, то прокладчикам водопровода в тюрьмы там многое прощается.

Банями меряют срок тактически: в короткой перспективе. «Не успел оглянуться – снова баня». Это значит – очень быстро идет время. Впрочем, это ложь, что баня так незаметно подкрадывается: чистым ты бываешь раз в неделю, в остальные дни – все более и более грязным.

По нормативам баня должна быть не менее одного раза в неделю, продолжительностью не менее пятнадцати минут. По идее, если есть возможность, банных дней можно было бы сделать больше, а сами помывки – дольше. Но нет: раз в неделю, пятнадцать минут. Как-нибудь попробуйте. Не забудьте, что надо не только помыться, а еще постирать скудный, но все же гардероб.

К счастью, тупость закона разбивается о мелкую коррупцию, и за пачку сигарет на «Бутырке» можно было мыться хоть час (минимальная необходимая продолжительность). Так что ограничиваться пятнадцатью минутами мне приходилось нечасто – в основном в карцерах, если было много народу, и в лоботомическом СИЗО г. Орел.

Бани в «Бутырке» были разные. Одна – просто омерзительная. Абсолютно убитое пространство метров двадцать площадью, разделенное на три секции: предбанник, душевая и темный тамбур непонятного назначения, пол которого был по щиколотку залит мыльной водой с плавающей волосней

и одноразовыми станками. Естественно, перешагнуть этот «милый» водоем нельзя, путь только напрямик. В самой душевой вода почти не льется, но то, что льется, – крутой кипяток.

Остальные бани в крыле были элитные, светлые, с новыми душевыми лейками, только отремонтированные. Еще одна пачка сигарет – и больше в плохую баню я не ходил. Довольно экзотики.

На самом деле в СИЗО можно было мыться чаще, чем раз в неделю. Но для этого нужно было записаться в спортзал, где была душевая. Сделать это у меня не получилось: тогда в «Бутырке» сидел Александр Емельяненко, и, по словам администрации, он букировал спортзал фултайм. Очень демократично.

При этом еще в СИЗО у сиделого сокамерника я уточнил, как обстоят дела с баней в лагере, и получил инфу, что тем же инструментом (пачка сигарет) можно увеличить количество банных дней. Это была хорошая новость. Мыться раз в неделю – это то, к чему я так и не смог привыкнуть.

Надо сказать, что, когда я уже приехал в лагерь, ИК-5 «Нарышкино», тамошняя реальность в разы превзошла всякие ожидания. В отряде была не просто душевая – там был установлен бойлер (водопроводная вода, понятное дело, только холодная). Это потрясло мое воображение. Стереотипная картина лагеря такого совершенно не предполагала.

Как и в любом неравноправном обществе, уникальный ре-

курс экспроприировался доминирующим классом. В отрядах, где рулили козлы, – завхозами, в отрядах, где рулили блатные, – братвой. Те, кому не везло входить в доминантную группу, мылись раз в неделю в бане и на работе, если специальность предполагала помывку. В этом смысле особенно везло баландерам и банщикам: душевые кабины у них были поистине шикарные, как в лучших домах Филадельфии.

На промзону я там не попал, но мне картинно описали групповой душ швейциков после смены. Примерно так я себе представлял санобработку прибывающих в Аушвиц.

В спецотряде, куда прибыл я, мною же была реализована утопическая идея равноправия: доступ к душу был обеспечен всем, кроме обиженных (им можно только в общей бане, в специально отведенных местах). Бойлер небольшой, и, с учетом того, что зэков было сорок человек, мыться в основном приходилось водой скорее теплой, чем горячей. Но после еженедельной процедуры мытье два раза в день казалось счастьем. Нагревательный прибор представлял собой цилиндрическую бочку с тэном внутри. Предохранитель, отвечавший за автоматическое отключение при достижении определенной температуры, не работал, и, когда очаг забывали отключать, вода вскипала, а тэн горел.

Как и почти все достижения быта в исправительно-трудовой колонии, бойлеры и сантехника приобретались зэками разных периодов. Вместо сгоревшего тэна какой-нибудь

знакомый или родственник привозил новый (1000 рублей), и он менялся силами сантехников за пачку сигарет. Наш нехозяйственный завхоз очень мучительно добивался разрешения каждый раз, когда требовалось заменить тэн или иной девайс, вышедший из строя. Поэтому периодически на неделю-другую я оставался без душа. Естественно, я предлагал привезти сразу десять тэнов, но когда завхоз ретранслировал эту идею администрации, она была отвергнута – ведь так снижалось количество унижений и заискиваний, а как еще администрации чувствовать свою власть?

Потом поломка тэна совпала с очередной моей конфронтацией с начальствующим составом. Администрация наложила запрет на поставку запчастей, недвусмысленно намекая, кто виноват в бытовых проблемах отряда. Но стратегия, рассчитанная на то, что зэки будут на меня давить, не сработала. Во-первых, из-за моего статуса селебрити. Во-вторых, потому что я невозмутимо продолжал мыться в душе два раза в день под ледяной водой, подавая всем пример стойкости и демонстрируя бессмысленность провокационных действий администрации. В целом должен сказать, что после минуты ледяного душа тело не очень-то понимает, моется оно под кипятком или под водой температурой 13°C, так что за неделю я вполне привык, к тому же на дворе было лето.

Банный день был в пятницу, и в общую баню я сходил всего один раз за весь срок – скорее из любопытства. Ничего выдающегося. Здоровенная комната с трубами по стенам.

Стены – вечно сопровождающего такие места цвета пальцев курильщика. Лейки крайние слева – для обиженных. Вода, понятное дело, горячая, но, чтобы тренировать в себе принципиальность, я отверг идею использовать горячую воду в общей бане на постоянно-коррупционной основе и героически продолжил мыться ледяной в отряде.

Так продолжалось примерно все лето. На какой-то комиссии, где на меня накладывали очередное взыскание, у меня поинтересовались, есть ли вопросы, а я поинтересовался, когда починят бойлер в отряде. Начальник колонии ничего не знал о тэновом противостоянии и, видимо, перепугался, что я буду жаловаться куда-то выше. Он дал поручение, и в этот же день в отряде смонтировали невесть откуда взявшегося монстра АЕГ – на несколько сотен литров и стоимостью несколько сотен тысяч рублей.

Это была победа. Отныне 24/7 вода лилась горячей неисчерпаемой рекой. Бойлер был поставлен мне в личную заслугу.

Впрочем, с переводом меня на специальные условия содержания (СУС) эта чудесная сказка закончилась. Мыться я стал только по субботам, всегда в шесть утра (к счастью, не пятнадцать минут, а около часа). Но этого чертовски, чертовски мало. Позже в правила были внесены изменения, и бань в неделю стало две. Тюрьма становилась не той.

Кстати, вот еще забавное о банях. В каждом лагере есть свои странные или непонятные традиции, которые то ли вы-

текают из криминальных понятий, то ли являются их неправильными интерпретациями. Так вот, в ИК-5, как оказалось, не принято мыться голым, а надо мыться в трусах (в «Бутырке», например, моются гольшом – как посоветовал бы любой специалист по гигиене). Ну, то есть предъявить претензий по этому поводу нельзя, но все будут очень косо смотреть. Такая странная нарышкинская традиция имеет следующие корни: если до зэка дотронуться penisом, то он автоматически переходит в касту обиженных. Даже случайно! Не уверен, что с таким категоричным подходом согласились бы опытные тюремные теологи, но в ИК-5 это считалось абсолютно несмываемым позором. Чтобы избежать драматичных случайных столкновений, все моются в трусах. Ужасно смешно, что грозные грабители, разбойники и убийцы панически боятся случайного прикосновения такого, в сущности, безобидного предмета.

Стоит ли говорить, что о существовании этой постановой я не знал. Даже ведь в голову не придет такое спрашивать: «А как правильно мыться – в трусах или без?» Когда я впервые пошел в баню вместе с остальными арестантами на СУСе, то был немало удивлен тому, что они сбились в кучу в противоположном углу бани и боятся подходить. Я, конечно, не особо атлетично сложен, но и без явных признаков проказы. Когда выяснилось про ню-табу, я был дико смущен. До конца срока пришлось мыться в трусах. Странновато, но традиции есть традиции.

Первый день в СИЗО

Ну вот, сижу я помытый в камере. Думаю. В основном о том, что будет, когда попаду непосредственно в тюрьму. Прежде всего вспоминается сцена из «Джентльменов удачи», где здоровый урка говорит вновь прибывшему, что место новичка возле параша. В кино ситуация выглядела смешнее, чем в моем воображении.

А еще представляю: вот я в камере, вооружившись заточкой, кружусь в танце смерти с кем-то синим от наколок. Со стороны кажется, что как-то нелепо кружусь, неуверенно, что ли. Ищу причины неуверенности, прихожу к выводу, что последняя серьезная драка хоть и завершилась в мою пользу, но была лет четырнадцать назад и без заточек.

Думаю, что теперь готовить себя к кулачному бою поздно, да и видекамера под потолком – при ней как-то стыдно. Успокаиваю себя, вспомнив разговор героев «Бойцовского клуба»:

- С кем бы ты подрался из исторических личностей?
- С Линкольном.
- С Линкольном?
- Ага. Высокий, руки длинные. Тощие бьются до конца.

Ну, фух! Я, конечно, не Линкольн, но вроде не толстый и рост – метр девяносто. Значит, буду биться до конца. Стал читать «Лед» Сорокина – единственную книжку, что у меня

была с собой. Я ее уже читал, даже не знаю, зачем взял.

Через какое-то время открывают дверь. Заходят две женщины и один надзиратель. Вроде какой-то майор.

Правозащитники. Общий смысл: мы тут мимо проходили, дай, думаем, заглянем.

– Ну, как дела?

– Хорошо, говорю, уютненько тут, и информационный материал забавный.

В камере лежали образцы заявлений в формате «Отказываюсь от приема пищи по причине _____».

– Это я придумала, – говорит одна из них.

– Удобно, – говорю.

– Какие-нибудь просьбы есть?

– А у вас случайно спичек не найдется? А то я сумку сигарет взял с собой, а со спичками не сложилось.

Дают пару коробков. Восторг. Прощаемся. Лежу. Курю. Думаю: «А не так плохо!» Заварил себе «Доширак» – вообще хорошо. Чистенько и правозащитники. Зря ругают тюрьмы все-таки.

На ужин попробовал баланду – не особо вкусно, но черви не плавают и горячая, жить можно. (Есть не стал, гордо ограничившись бутербродами с привезенной с собой брауншвейгской – попортится ведь.) Тетечка-охранник говорит:

– Я к тебе попозже соседа подселю, хорошо?

– Неужто и это регулируется моим желанием?

– Да не особо.

– Конечно, подселайте, в компании веселее.

Позже приводят чувачка. Весь на суете, говорит быстро. Интересуюсь статьей: точно – мошенник. Стало быть, коллеги. Он сразу к окну, а оно высоко, под потолком почти и глубоко утоплено, не открывается.

– Давно тут? – спрашивает.

– С обеда где-то.

– Дороги тут есть?

– Чего?

– Понятно все.

Осматривает окно, заключает:

– Нет, на этой стороне нет. Черт. Мне связь позарез нужна.

Жена без денег осталась, ей деньги только по моему звонку привезут.

– Тут телефоны есть?

– Тут все есть, – смотрит с укоризной. – Слушай, братан, не обессудь, но мне в другую хату надо, позвонить нужно позарез.

– Ну конечно, если надо...

Самому, конечно, жалко, что знакомство не удалось. Закуриваем.

– За что сидишь? – интересуется.

– Да так-то сложно сказать.

– Погоди-ка, а фамилия у тебя как?

– Навальный.

– Та-а-ак, – тушит сигарету. – Тут мне точно телефона не

будет.

Идет долбиться в дверь. Тетечка подходит минут через пять:

– Что случилось?

– Уважаемая, мне очень надо переехать, желательно в те камеры, что напротив.

– Это чегой-то?

– Ну, мы не сошлись в политических взглядах.

– Чего?

– Не можем сидеть, разные взгляды на госстроительство.

– Ничего не знаю.

Ну и в таком духе еще минут пять. Тетечка под конец вскипела. Я тебя, говорит, сейчас к петухам посажу. Юмор тюремный, наверное.

Но потом она его все-таки перевела. Вроде понятная такая ситуация: чувак сразу смекнул, что камера, где сидит известный зэк, под более пристальным контролем, поэтому связь с внешним миром будет проблемой. Но тут важна процедурная часть. У зэка есть два способа покинуть камеру:

1. Быть выведенным оттуда по воле сотрудника.

2. Попроситься самому в другую камеру, то есть «сло-миться с хаты». А с хаты ломают за какие-то поступки.

Хоть в описанном случае чувака никто не выгонял, но процедурно тут вариантов нет. Чувак с хаты сломился. И

причины не имеют значения – страдания отдельно взятой хаты должны быть разделены по-братски. А значит, я, не проведя в тюрьме и дня, чувака с хаты сломил.

Мама ама криминал.

Кстати, после отбоя чувак этот очень просился обратно, ну очень-очень. Тетка в этот раз была непреклонна – после отбоя двери не открываются.

Уж не знаю, что у него там за проблема возникла. Судя по истерическим ноткам в голосе, проблема была. Может, и вправду к петухам его посадили (но навряд ли), а может, те, к кому он подсел, объяснили, что, сломившись с хаты, сидеть теперь можно только с такими же, – неизвестно. Ясно одно: дважды просить о переводе в первый день пребывания в СИЗО – не очень хороший старт.

Для трагичности, наверное, нужно было бы написать, что первая ночь в тюрьме была бессонной. Но писать я постараюсь максимально честно, поэтому стоит признать, что заснул я быстро и прекрасно выспался.

Свет включают в шесть утра, но не будят. Обычно я вставал часов в восемь, но в первый день с непривычки, конечно, был с шести на ногах. Ну как на ногах – лежал себе и читал.

В обед тетечка передала мне письма, несказанно меня удивив. Есть, оказывается, такая услуга «ФСИН-письмо». Заходишь на сайт, пишешь в специальной форме письмо, в тюрьме распечатывают и отдают адресату. Если оплатить ответ, то к распечатке прилагается чистый лист, на котором ад-

ресат пишет ручкой. Потом его сканируют и отправляют на волю. Очень продвинуто и удобно.

Письма было два: одно – от матери, другое – от незнакомой женщины с фото меня, Вико, Степана и Остапа. Уезжая, я не взял фотографий и отдельно оговаривал, чтобы мне в случае чего их не слали: думал, это будет причинять душевные страдания. Тут я, конечно, оказался не прав, и очень было классно получить фоточку. Был тронут. (Потом я постоянно требовал высылать мне фотки и скопил несколько тысяч – если бы захотел их все пересмотреть, мог бы занять этим пару-тройку дней фултайм.)

Спросил тетечку, не подселит ли она кого-нибудь ко мне, ведь все-таки Новый год, одному скучновато. Тетечка сказала, что вероятность моей встречи Нового года на карантине стремится к нулю.

Потом пришел майор, который вчера был с правозащитниками, и куда-то меня повел по «Бутырке». Куда – уже не помню, на какую-то очередную регистрационную процедуру. Но это не сильно важно: главное – получилась экскурсия по тюрьме.

Шли долго, через кучу коридоров и дверей. Майор их отпирал и запирали, удивляя меня тем, как он безошибочно выбирает нужный ключ из огромной связки. Когда нам попадалась хозобслуга, которая выдавала обеды в камеры, мы останавливались, майор требовал закрыть окошко раздачи, и только потом мы проходили мимо. Это меня удивило: не

очень понятно, что за опасность могла исходить из окошка, в которое пролезает только миска, но мне разъяснили, что таков порядок, и все вопросы отпали.

Проходя по какому-то из коридоров, увидел, что дверь одной из камер открыта и там роется куча сотрудников, выбрасывают в коридор что-то невнятное: веревки, сигаретные пачки, коробки спичек. Все жильцы камеры – человек, наверное, пятьдесят – находились в огороженном решетками торце коридора, через который пролегал наш путь.

«Вот она, первая встреча со злыми зэками», – с волнением думал я и, приближаясь, прокашлялся, чтобы случайно не поздороваться фальцетом.

Зэки выглядели очень зэками. Во-первых, все небритые, во-вторых, все нерусские, а значит – взгляд из-под моноброви и из недр темных мешков. В основном все стояли в куче, только трое барражировали туда-сюда, крутя четки и сутулясь.

– Всем отойти к стене, – приказал майор.

Его не послушались. Тогда он приказал еще раз, и зэки слегка подвинулись к стене, всем своим видом показывая, что это они не подчиняются приказу, а просто решили размяться и отойти, к примеру, к стене.

– Арестанты, всех приветствую! – говорю.

– Здорово, здорово! – много ответов и, кстати, дружелюбных.

– Из какой хаты?

– Пятьдесят седьмой. – Мне бы тут ответить, что с каран-тина, но я этого еще не знал, а зэки остались в задумчивости, что это за хата такая. Кстати, номер хаты на карантине про-роческий, а почему пророческий, вы поймете, если знаете номера регионов РФ, указанные на автомобильных номерах.

На этом мое первое знакомство с зэками завершилось. По его итогам у меня сложилось впечатление, что из русских в «Бутырке» только я, майор и чувак-мошенник, но он не в счет.

Позже за мной пришли в камеру и сказали: «С вещами на выход». Я собрал все, что у меня было, – кроме казенных миски, ложки и кружки, так как у меня были свои (о чем впослед-ствии пожалел, потом они могли бы очень пригодиться в хозяйстве), – и поплелся куда-то по переходам «Бутырки».

Привели в другое крыло. Там надзиратель-девочка. До-родная и менее приветливая.

Подводят к камере № 298. Открывают. Хорошо. Камера маленькая, на четверо нар. Стоит в ней седой небритый му-жик с очень печальным лицом. На столе – таз.

Вхожу, кладу матрас.

– Здоровенько.

– Здорово.

– Олег.

– Руслан.

Жмем руки.

«Чечен», – почему-то думаю я.

– Чечен? – спрашиваю.

– Почему? – удивляется Руслан. – Русский, из Владимира.

– А что в тазу?

– Оливье.

Не успел разложиться, заходят за мной – к адвокату. Долго куда-то ведут, там – мой адвокат Кирилл.

Ну, я в хорошем настроении, он тоже приободряется (наверное, готовился меня утешать).

Выясняется следующая штука. Меня отправили в тюрьму без приговора, чего вообще не может быть, так как непонятно, на каком основании меня приняли в СИЗО. Я вспоминаю, что мне дали какую-то бумажку, но она в камере осталась. Кирилл сокрушается, бумажка очень нужна, сегодня отправляют жалобу в ЕСПЧ. Зову охранника, прошу отвести в камеру за бумажкой. Охранник всем видом демонстрирует возмущение. Я объясняю ему, что очень надо, на кону жалоба в ЕСПЧ. Войдя в положение, он долго ведет меня туда, а потом так же долго обратно.

Почему я это все объясняю? Если кто-то сидел в московских СИЗО, он знает, что день визита адвоката выглядит так. Приходит сотрудник, со всего крыла долго собирает зэков, ведет их в адвокатское крыло и запирает в боксы. Там они ждут. Потом общаются с адвокатом. Потом снова боксы, и через три-четыре часа, когда все уже обезумели в клетках два на два метра, задыхаются от сигаретного дыма и нестерпимо хотят в туалет, их толпой ведут через всю тюрьму и

разводят по камерам.

А тут я бумажку забыл – давайте вернемся! Есть все-таки свои плюсы в том, чтобы быть политзэком. Только вот главный минус – сидишь ни за что.

По возвращении в камеру я продолжил процедуру знакомства. Руслан был подавлен. К Новому году всей хатой, где он до этого жил, готовились основательно. Были приготовлены яства. В новогоднюю ночь он планировал устроить видеомост с застольем своей семьи. Внезапно его попросили с вещами. Вся камера долго сопротивлялась такой вопиющей несправедливости в канун Нового года, но начальник был непреклонен. Руслана, находившегося в прострации, собирали всем миром, дали таз с оливье, какие-то наспех собранные вещи, продукты и отправили, обняв.

В той хате было тридцать человек, которые уже успели стать друзьями. Там были телевизор, средство связи, богато накрытый стол. В этой хате был непонятный я, таз оливье, стратегический запас «Доширака» и колбасы, полное отсутствие мультимедийных девайсов и строгая девочка-вертухай. В 21:00 выключали свет и не соглашались его включить, несмотря на чудо Нового года.

О том, что Новый год наступил, мы узнали, когда заметили салют. Вся «Бутырка» начала бить в двери. Кстати, очень впечатляет.

Впрочем, попытка выйти на контакт с цивилизацией все же была предпринята. Когда я пришел от адвоката, Руслан

заявил, что нам надо «наладиться». Я честно сказал, что не знаю как. Руслан призвал меня не беспокоиться, так как был «дорожником». Это сработало, я не беспокоился.

После отбоя мы стали делать «коня». Делал в основном Руслан. Я сочувствовал. Конь – это веревка, при помощи которой передается информация в записках («малява», «муля») и различные презенты («груза́»), в том числе и запретные («запреты»). Конь требует материала. Угнетенный чувством вины из-за того, что Руслана, очевидно, изолировали, просто чтобы у меня была компания, я пожертвовал простыню. У меня все равно была запасная.

Вычислив необходимую длину коня по высоте расположения решетки («решки») и предположительной толщине пола, Руслан мастерски нарезал из простыни тонкие полоски и принялся плести косичку, зацепив один край полос за решку. Я же стоял «на стреме», прислушиваясь к передвижению охраны у дверей камеры («тормозов»). Это было увлекательно.

Чтобы наладить связь с другой камерой, надо знать ее номер, неистово проорать его и предложить «наладиться». Шоковое состояние Руслана и моя неопытность в этих делах лишали нас знания о номерах камер, расположенных рядом. Ну, то есть мы знали, что слева 297, а справа 299, однако конструктивная особенность нашей решки и поджигающие сроки обесценивали эту информацию. Мы могли наладиться быстро, только спустив коня вниз, чтобы его удочкой пойма-

ли там. Наверное, можно было просто проорать соседям и спросить, какие номера у камер внизу, но это, видимо, несерьезный метод. Исследуя стены камеры, я нашел схему расположения хат вокруг, составленную прежними жителями хаты. Но, несмотря на это и на то, что Руслан сплел отменного коня, ничего не получилось. На голос никто не подтянулся. Когда мы начали налаживаться, было уже где-то 21:00.

– Все уже пьяные, – грустно сказал Руслан. – Новый год.

Так мы и встретили 2015-й. В полутьме ночника. В тюрьме внутри тюрьмы. Поедая оливье. Руслан, наверное, – в депрессии, я – не особо. Мне было интересно. Тюрьма все-таки.

Наладка

Вообще говоря, логистика грузов и письменных сообщений в тюрьме очень крута.

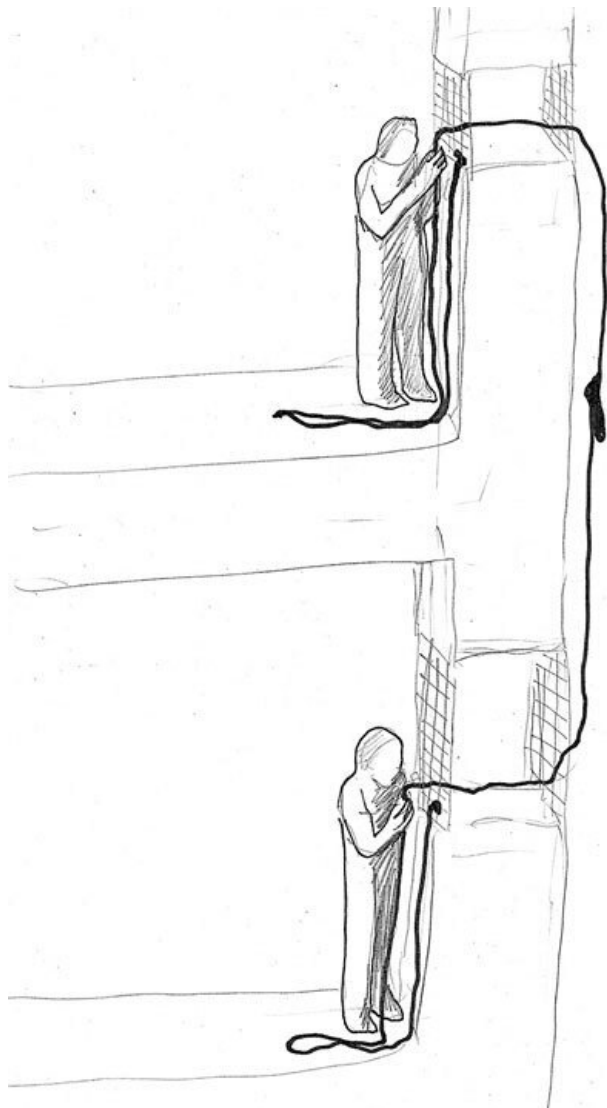
Начать надо с того, что у нее есть свой штат: дорожники – зэки, которые стоят у решетки, всю ночь отправляют и получают корреспонденцию, ведут учет и несут ответственность. Есть своя сопроводительная документация и логистическая схема, моментально адаптирующаяся к изменениям функционала транспортных узлов.

Доставка обеспечивается с помощью веревок. Если идти по СИЗО во время массовых обысков, то можно видеть, наверное, километры конфискованных веревок. Но это не мешает в ту же ночь полностью их восстановить. Веревки делаются из всего подряд (кстати, с этой точки зрения порядок изымать у зэков ремни и шнурки при помещении под стражу просто смехотворен). В ход идут в основном простыни, которые режутся на тонкие полосы, а также шерстяные носки и свитера, которые просто распускаются. Затем дорожники или просто бездельничий народ (ака бандерлоги) плетут из материала веревки. Плетут постоянно, поскольку веревки не только отбирают на обысках, но они еще и довольно быстро перетираются от эксплуатации.

В результате получается конь. Длина коня должна быть вдвое больше расстояния между камерами. Точка передачи,

соответственно, получается где-то посередине. Туда обычно привязывается носок («карман»), в который помещают маляву.

Для переброски товаров кармана не хватает, поэтому из казенных вафельных полотенец сшивают мешки. В них передают груза обычно килограммов до пяти (больше не удобно и рискованно – диверсифицируй риски, bitch). Тут самое место удивляться: как же протащить через решетку целый мешок?

Основных способов два. Первый: развязать мешок перед решеткой и втащить груз порционно. Но, во-первых, это не всегда возможно технически. Во-вторых, это долго. А в-третьих, не пристало свободолюбивому арестанту останавливаться перед таким мелким препятствием, как решетка.

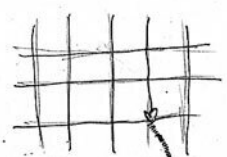
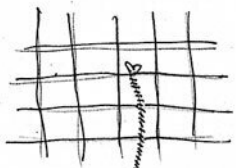
ЛЕЗО ЗАУБРИВАЕТ

ЛЕЗО

ПРЫТ
РЕШЕТКИ

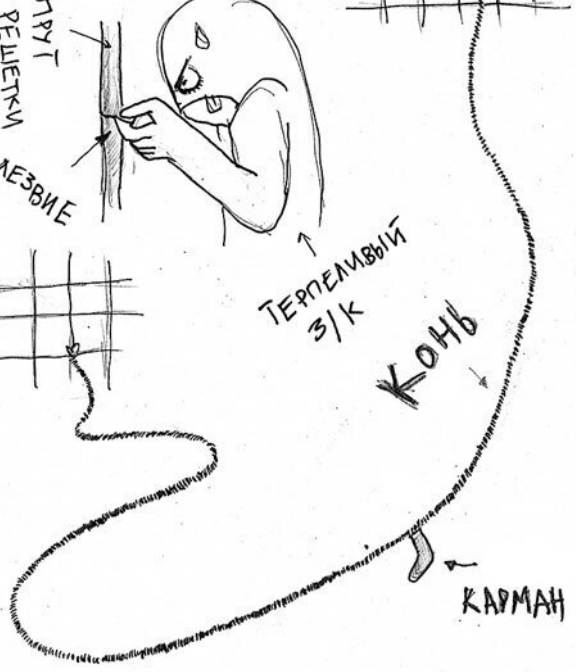
ЛЕЗВИЕ

↑
ТЕРПЕЛИВЫЙ
З/К

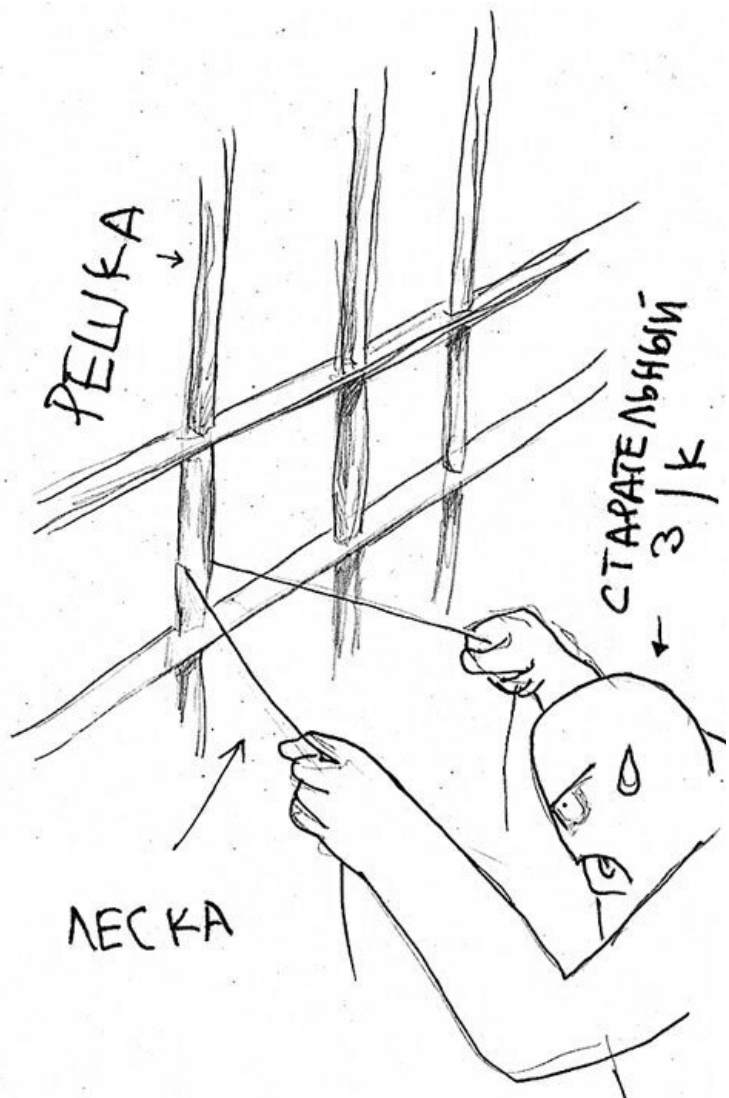
КОНЬ

КАРМАН

Отсюда второй способ – выпилить («разморозить») решетку. Тут самое место задаться вопросом: как? Во-первых,

можно подкупить охранника, чтобы он принес ножовку, но это не так интересно. Во-вторых, оказывается, что при наличии свободного времени и отсутствии более интересных занятий некоторые решетки можно перепилить шерстяной ниткой.

РЕШКА

ЛЕСКА

СТАРАТЕЛЬНЫЙ
3/k

В-третьих (и это самый распространенный метод), можно использовать лезвие от безопасной бритвы. На нем делают небольшие зазубрины, что превращает ее в маленькую, но все-таки пилу. Есть еще поверье, что можно сделать из зажигалки, выменянной на пачку сигарет у охранника, автоген. Но надо кучу зажигалок и это утомительно. В принципе, вместо зажигалки можно использовать лампадку, но это все чересчур сложно, лезвие гораздо проще. А вообще, огонь чаще используют не для перепилов, а для того, чтобы пропаять дырочку в дверном глазке и потом приподнимать его карандашиком изнутри, – бывает полезно. Нужен только удлиненный стержень от гелевой ручки (два скрепленных стержня), через который зэк дует на пламя спички, поднесенной к стеклу. Обычно хватает штук пяти спичек.

На «Бутырке» две решетки: внутренняя и внешняя. Последняя еще екатерининских времен. Уж не знаю, из чего она, но лезвием не распилишь толстые шестигранные прутья. Впрочем, это и не нужно, так как во внешней решетке очень большие ячейки, любой груз пройдет со свистом. Поэтому размораживается только внутренняя решетка. Администрация размороженные решетки постоянно заваривает, зэки заваренные решетки постоянно размораживают, и так по колесу сансары: размораживают – заваривают – размораживают – заваривают – размораживают – заваривают – размораживают – заваривают – размораживают.

Когда камера одна под другой, установка связи не стоит больших усилий: сверху скидывают коня, снизу ловят его удочкой – такой палкой с крючком на конце. Палку делают, туго скручивая журнальные листы или нарезая и скручивая спиралью пластиковые бутылки. Это пара способов – в принципе, можно понапридумывать и другие.

Крючок на конце удочки – тоже не особая проблема. Легче всего отломать кусочек решетки, которая закрывает лампы дневного света на потолке (она тоненькая).

С боковой камерой соединиться чуть сложнее. Надо прицепить на коня грузила и, раскачивая его маятником, набросить на удочку, выставленную соседом. Особенно непросто, когда между камерами со стороны улицы проходит короб вентиляции. Тут нужны длинные руки и длинная удочка.

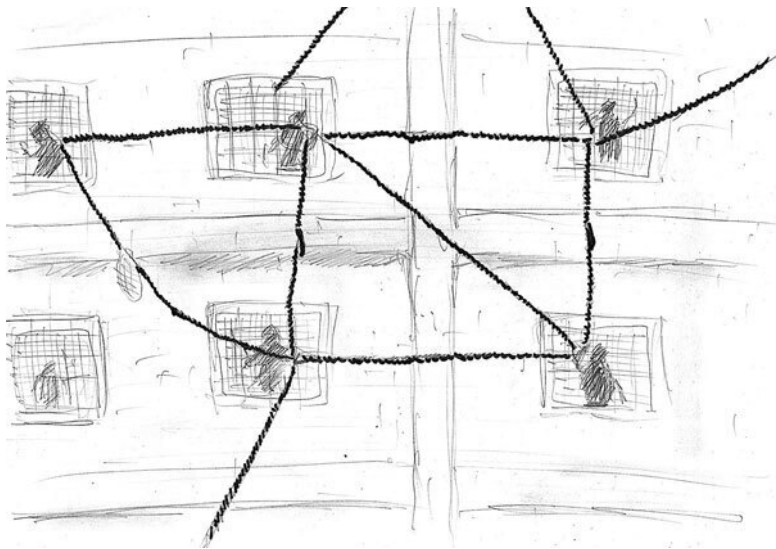
Иногда в таких случаях, а также если надо держать связь с камерой по диагонали, используют парашют. В зависимости от направления ветра в одной из камер к пакету привязывают ниточку, при помощи которой потом будет налажена полноценная дорога, и выбрасывают его наружу. Задача принимающей стороны – его поймать. Это бывает нелегко, и тогда просят дорожника из корпуса напротив, откуда видно обе точки соединения, комментировать полет пакета. Очень занимательное дело, кстати. И небystрое. Помнится, один раз какие-то бедолаги пять часов подряд этим занимались. Аж охрипли, причем не только специалисты по логистике (ака дорожники), но и чел из камеры в корпусе напротив,

который координировал их действия.

Связь также требуется держать между корпусами. Нижняя от нас камера по диагонали соединялась со зданием напротив, до которого было метров пятьдесят. И дорога проходила как раз над забором с колючкой. Когда по тросу двигался груз, дорожникам приходилось прикладывать массу усилий, чтобы сохранять натяжение коня и не оставить на колючке мешок с сигаретами, телефоном, конфетами, бухлом, наркотой и бог еще знает чем.

Но поскольку расстояния значительные, иногда используют пушку. Это такая трубка, свернутая из журналов и т. д., куда заряжают нитку, привязанную к пыжу (ака пуля или снаряд).

Потом берется зэк с потрясающим объемом легких, и он что есть мочи придает импульс заряду. Характерный выстрел отчетливо слышен по всей округе.

Есть особенно трудные случаи, когда наладка осуществляется с помощью двух пушек, стреляющих в третий объект так, чтобы их нити зацепились друг за друга. Похоже на фантастику. Сам я не видел, но братва утверждала, что да, бывает.

Один из самых простых способов коммуникации – «телефон». В соседних камерах раковины примыкают к одной стене, а значит, и к одному стояку, поэтому можно открыть сливной шланг под раковиной и общаться. Получается не вполне телефон, потому что можно либо слушать, либо говорить, но все же. Визуально очень напоминает, как фре-

кен Бок звонит на телевидение из ванной при помощи душевого шланга.

Есть стародревний способ – кабура. Это когда проделывается дырка в стене или в полу в соседнюю камеру. Очень удобно для карцера, где страдальцу не из чего сделать удочку. Уж не помню, о каком СИЗО один персонаж рассказывал, что в кабуру ему спускали шланг, через который поили водкой. Дело правильное: человек на киче крепится (ака страдает), надо его боевой дух поддержать. Таким же способом ему передавали курево и прочие приятные мелочи типа гашиша.

Еще один способ – это «мокрый». Унитаз обезвоживается, подача воды перекрывается. Затем из спичек нужно сделать «ежик» и неистово обмотать его ниткой. Ежик опускается в слив унитаза и смывается большим количеством воды, конец нитки, соответственно, остается в руках аквадорожника. Та же процедура проделывается в другой камере, с которой надо установить связь. Понятное дело, располагаться они должны по одному канализационному стояку. Два ежика обязательно там встретятся и спутаются, соединив нитки, которые потом можно заменить на коня. Так себе способ, лучше бы его вместо «мокрого» назвать «мерзким», но иногда другого варианта просто нет. Это не всегда может работать из-за конструктивных особенностей сливов на унитазах: лучше всего для этих целей (и только для этих целей!) иметь напольный унитаз, однако гуманизация и улучшение быто-

вых условий в системе нещадно их истребляют.

Отступление об унитазах. *Вроде бы замена напольных унитазов на современные – это хорошо с бытовой точки зрения, но на самом деле – нет. В больших камерах, где по тридцать человек и больше, все равно на унитазы забираются с ногами. А ведь напольный унитаз – это не только способ коммуникации, но и возможность принять душ. Для этого требуется только коррумпировать надзирателя. Он принесет лейку от душа, ее можно подсоединить к крану и в жару поливать себя, стоя в позе Колосса Родосского на унитазе. С новыми все без толку – ни присесть, ни наладиться, ни помыться.*

Легенда гласит, что налаживались даже с помощью крысы, которая проложила дорогу через вентиляцию. Байка, конечно, но очень колоритная. Крысы больше вредят наладке. Мой сосед рассказывал, что, когда сидел во Владикавказе, ему надо было наладиться с одной камерой. Единственный доступный способ – пристрелиться из двух пушек прямо на тюремный двор. Проблема состояла в том, что в СИЗО были полчища крыс, и как только снаряды, которые должны были сцепиться, приземлялись, их сразу пожирала крысы. Была перепробована куча материалов для пули – хлеб, бумага, ткани и т. д. Жрали всё. Попытки продолжались часа три, и наладка удалась то ли чудом, то ли когда все крысы во Владикавказе были накормлены.

Другое дело – кот. Кот, как известно, животное воровское. Хатный питомец. Метод наладки таков. Кот из одной камеры оснащается ошейником с мулей, а в камере, куда он должен попасть, вентиляционный вход мажется валерьянкой. Главное – чтобы было недалеко, а то есть вариант, что на запах придут коты со всего централа. Да что там малявы! Иногда коты таскают с воли на централ наркоту, можете посерфить по ютьюбу, там есть репортажи на эту тему.

Наверное, есть еще 100500 способов наладки. Но это все, что я успел узнать за свой короткий срок.

Днем канаты и веревки, естественно, надо убирать, но ведь не будешь же каждую ночь налаживаться пушками и парашютами, поэтому оставляют «контрольки». Когда коня убирают, его место занимает нитка. В камере ее привязывают так, чтобы вертухаи во время проверки не увидели, а снаружи ее и так не видно.

Понятное дело, что качество транспортной инфраструктуры разное, в зависимости от СИЗО. Чем «чернее» централ, тем мощнее дорога. Когда я приехал в Орел, на тамошние дороги было жалко смотреть: камеры держали связь при помощи ниток. Уверен, что есть такие тюрьмы и централы, где вообще дорог нет, – зловещие казематы, в которых пытаются убивают и прочее, – «красные», как морда прапорщика в день полочки.

Режим, разумеется, борется с дорогами, в том числе техническими средствами. Самое простое – это дополнитель-

ный экран с решеткой внутри камеры и заостренные жестяные листы вокруг решетки, чтобы веревки перерезались. Но эки, понятное дело, решетки пилят, а листы тупят.

Наладка начинается после отбоя. Из камеры, которая хочет настроиться, раздается крик: «АУЕ! Наладка», который ретранслируется многократно из разных камер и по коридорам. В нашем случае из камеры смотрящего за большим спецкорпусом (ака БС) кричали: «АУЕ! БС! Наладка!» Дальше следовал ежедневный ритуал (представьте, что все реплики производятся напрочь прокуренными голосами):

– Два девять восемь!.. Два девять восемь!

– Кому два девять восемь?

– Это два восемь восемь. Братан, здоров.

– Здоров.

– Давай настроимся?

– Давай.

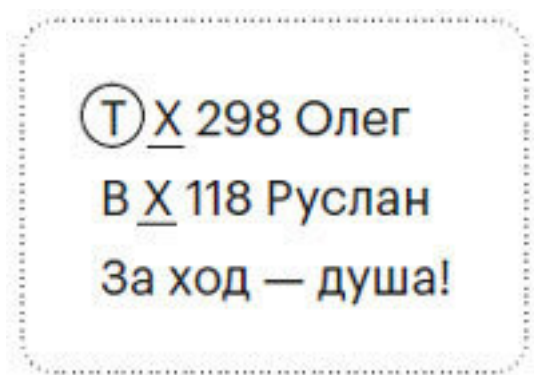
Это значит, что камера 288 предлагает камере 298 связаться дорогой.

Происходит все и правда очень забавно. Уж не знаю, как дорожников подбирают, но голоса у всех реально как у Вицина из «Джентльменов удачи». Впрочем, все мы, когда общались голосом, тоже весьма грозно звучали. Во-первых, орешь. Во-вторых, орешь сурово – тюрьма ведь.

Еще есть система сигналов, регулирующих работу дорог. Например, отправляем маляву вниз. Запаковали, убрали в карман, по полу – топ-топ (громко только, прямо со всей ду-

ри топаешь). Они забирают. А если сами три раза стучат (понятное дело, «стучат» говорить нельзя, называется это «шуметь» или «цинковать») – значит, надо подождать, дорожник занят. Еще сколько-то цинков, если конь застрял, и так далее. Ну, в «Бутырке» это не особо работало – все долбили без разбора. А вот в «Матроске» все строго, целая морзянка разработана на все случаи жизни.

Малявы сворачиваются и запаиваются в слюду или кусок полиэтиленового пакета. Адресации выглядят так:

Это значит: «От Олега из 298-й камеры Руслану в 118-ю камеру. Спасибо за то, что передаете!»

Послание может проходить через множество мест транзита. Если оно направляется в корпус, с которым нет дороги, то его могут передать на прогулке. И так, из дворика в дворик,

оно попадает к арестантам в нужный корпус.

Я могу ошибаться, но письменные сообщения (кроме особо важных) в транзитных камерах не путируются, то есть запись их прохождения не вносится в специальный журнал («точковку»), а вот грузы точно вносятся, причем груз идет с накладной. Называется она «сопровод». Выглядит она так:

В.Д., Братцы!

Гоните этот (Г) (2 пачки «Парламента»

в Х 118 Руслану

(Т)Х 298 Олег

+ (М) внутри

V(S) => 100%

За ход — душа!

В.Д. — вечер добрый, (Г) — груз, Х — хата, (Т) — от, (М) — малява

V(S) => 100% — возврат сопровода обязателен. Это значит,

что потом его возвращают с пометкой получателя «Дом, душа!»

Путировка такая очень полезна: грузы иногда теряются, и так легко понять, где это произошло. Кроме того, бывает, по вине дорожника груз падает, и отправитель может сказать: «Ай-яй-яй, там была сим-карта, а на ней 500 000 рублей! Давай, восстанавливай их». А так в сопроводе написано, что за груз.

Вообще, у дорожников в этом плане опасная профессия.

Чувак с «Матроски» рассказывал, как дорожник потерял груз с телефонами, которые то ли от вора в законе шли, то ли к нему. Так за пару часов решетку распилили, чтоб дорожник смог вылезти из камеры (был шуплый мальчуган) и по усиленному коню спуститься на землю забрать грузы и забраться обратно в камеру. Байка, конечно, но тоже очень колоритная.

Дорожная сеть выполняет не только чисто коммуникационную, но и распределительную функцию. В каждом корпусе есть «котловая хата» – камера, где сидит смотрящий и где аккумулируются блага. Порядочный арестант ведь внимание общаку уделяет – то денег переведет, то сигарет отправит. Из общака подпитываются страдальцы и бедолаги – карцер, больничка, то есть те, кто без копы, но порядочные и общему делу благо приносят.

Дважды в месяц, по определенным датам, зэки поминают упокоившихся воров и поздравляют с днями рождения живущих, по случаю чего происходит «разгонка». В разгонке передается заварка, немного сигарет и немного конфет, чтобы братва чифирнула и покурила по означенному поводу. Зачитываются имена актуальных для соответствующего месяца Воров. Неплохой тимбилдинг, скажу я вам, и очень красивая традиция.

Окончательный расход где-то часов в семь – уже после подъема, но до проверки. Впрочем, это зависит от локальных условий.

Коммуникация

Первого января мы так и не наладились. Руслан тогда лежал весь день в глубокой депрессии, прерываясь на поедание салата. Тазик в Новый год прикончить не удалось. Холодильника у нас не было, так что долго хранить салат мы могли разве что в своем сердце. Я вел себя примерно так же: ел салат и лежал, отходя от состояния «ну вот я в тюрьме».

Вечером второго января Руслан взял себя в руки, влез на решетку и принялся орать соседям. Минут через десять те, что сидели справа, попросили Руслана подойти к «телефону». Познакомились с соседями. Они нам сказали, с какой камерой снизу можно наладиться, что мы и сделали.

Но подключение к дорожной сети еще не означает, что ею сразу можно начать пользоваться. Нужна инициализация. Мы написали в хату, где сидел смотрящий за корпусом: кто мы, откуда, по каким статьям заехали. После этого в маршрутной сети наша камера была отмечена как «людская» (это значит, что в ней сидят порядочные арестанты и мы можем начать обмен сообщениями).

Руслан сразу отписал в свою старую камеру, что жив-здоров, о чем также просил сообщить его родным. Обмен сообщениями, конечно, не был мгновенным, так как старая камера была в другом корпусе, и все сообщения с нашего корпуса передавались по толстому канату, протянутому че-

рез тюремный двор. Соответственно, делалось это раз в пару часов, то есть за всю ночь можно было написать два письма и получить два ответа.

Руслан, конечно, сразу попросил нам телефон. Второго января он не пришел, третьего тоже, а четвертого стало известно, что телефон, не пропуская к нам в камеру, отправляют обратно. На наши вопросы смотрящий за корпусом ответил, что таково распоряжение положенца по централу. Последний на письменные запросы так и не ответил вплоть до моего отъезда. То есть мы оказались в «замороженной» хате. Ну как замороженной – «подмороженной» скорее. Дороги есть, всяческая документация и товары, не ограниченные в гражданском обороте, поступают, но ни телефонов, ни даже завалищего героина не получить.

Такие камеры, думаю, есть в любом СИЗО. Авторитетные люди договариваются с ментами, чтобы в определенных камерах связи не было. У ментов свои соображения, а авторитеты на это идут, чтобы не было ущерба общему делу, иначе начнутся всякие бесконечные обыски и тому подобное.

Вообще, странно, конечно. С одной стороны, широко провозглашенное братство, а с другой – такое очевидное неравенство. Но главное – дорога есть. Значит, закурить/заварить всегда будет. А арестанту ничего больше и не нужно. И вообще, удел арестанта – страдать. И вонять – всегда добавлял Руслан, имея в виду редкость банных дней.

Для меня-то было очевидно, почему я попал в такую за-

претную камеру: в сети можно найти кучу фоток и видеосов из тюрьмы, но снятые мной по числу лайков имели бы весьма существенное отклонение от медианных показателей подобных снимков (эти строки я пишу уже в колонии, только что дочитал книгу «Голая статистика» и не могу отделаться от языка). Руководство «Бутырки» подумало, что если мой брат перепостит мое селфи на фоне тюремной решетки, это:

- а) спровоцирует массу комментариев и слов поддержки;
- б) может существенно отразиться на их карьере.

Руслана же эта ситуация откровенно угнетала, и он был серьезно разочарован в «профсоюзном» движении, которое объединяет всех порядочных арестантов России и называется АУЕ: по одной версии – Арестантско-Уркаганское Единство, по другой – Арестантско-Уголовное Единство, по третьей – Арестантский Уклад Един (думаю, верное определение – последнее).

Возмущение Руслана было понятно. «Я год всю ночь стоял у решетки, грузы тягал, благо общаку оказывал, внимание уделял, и что теперь? Как же моя потребность в поддержании социальных связей с родными и близкими?» Ну, может, не совсем дословная фраза. Может, не было там слов про социальные связи, а было побольше брани, не помню уже. Но общий посыл именно таков.

Впрочем, человек быстро адаптируется к проблемам, и Руслан перешел на полуаналоговый формат общения: его

записи фотографировались и отправлялись бывшими сокамерниками. Я же был только рад воспользоваться такой возможностью. После ожидания полной изоляции этот способ коммуникации казался мне шикарным.

Вообще, конечно, связь тюрем с внешним миром меня поразила. Информация отлично передается, все обо всем очень быстро узнают. Скрыть что-либо практически невозможно. Вот пара примеров.

Пятого января ЕСПЧ коммуницировал жалобу по моему приговору, то есть принял и даже направил российским властям для ознакомления. Коммуницировал очень быстро – через шесть дней после заключения. Как я понял, это связано с тем, что фактически имело место незаконное лишение свободы, так как в СИЗО меня отправили без документа. Ну так брат нашел какого-то знакомого, у которого знакомый сидел в «Бутырке», позвонил ему, попросил передать эту информацию, тот запустил поисковый запрос, узнал, в какой я камере, написал мне записку, в которой сообщил благую весть, выразил слова поддержки и призвал в случае необходимости использовать канал обратной связи. Все это в один день.

Или вот был случай, уже в лагере. У одного моего приятеля была знакомая девушка, а у той – хахаль-предприниматель. И, несмотря на то что хахаль – москвич, его по мошеннической статье принимают и сажают под арест в одном из регионов Восточной Сибири. Это само по себе грустно, но

еще грустнее то, что, по идее, ему светит отсидка в одном из «красных» централов. Там, где менты злые, а телефонов мало.

Я в лагере поинтересовался – никто никого не знает. Что неудивительно: лагерь – для первоходов, то есть совершивших преступление впервые, причем в основном все местные. Позвонил в «Бутырку» моим прежним сокамерникам, изложил им суть проблемы, оставил телефон девушки, попросил, чтобы предприниматель, как попадет в камеру, ей сразу позвонил. Через неделю, после карантина, предприниматель поднялся (ака заселился) в камеру, где ему сразу вручили телефон и сказали, куда позвонить. Своей девушке он сообщил, что удивлен широтой ее связей.

Это на самом деле мощь, когда 700 тысяч человек почти на мгновенной связи, ни в каком другом коллективе это почти невозможно. Ну вот взять ту же «Почту России»: 350 тысяч сотрудников, но наладить связь между каждым из них не так-то просто, есть субординация и т. д. В АУЕ-сообществе любой арестант может позвонить вору в законе для решения проблемы. Ну, конечно, не то чтобы есть какая-то телефонная справочная воров в законе. Все устроено несколько сложнее. Но суть в том, что в общении тебе никто не откажет, везде подскажут, как найти человека, осведомятся о твоём здоровье, здоровье близких и прочее. Даже если у арестанта в силу нищетобродности нет телефона, аппарат всегда есть для целей общего пользования. Почти все зоны, кроме

тех, где откровенно фашистский режим, всегда на связи, и в различных ситуациях это очень удобно.

До появления мобильных все было сложнее. Коммуникация была медленнее и опаснее, но все же была. Хотя безопасность каналов связи – это, конечно, большой вопрос. Раньше зэк вез с собой по этапу маляву, и всегда был риск, что ее отберут. Теперь же можно позвонить, зато телефоны при содействии ФСБ и при полном пренебрежении законом прослушиваются фсиновцами, теперь, по закону Яровой, уже вполне легально. Ну то есть дилемма та же, что и на воле: с одной стороны, эффективность коммуникации, с другой – слежка и утрата приватности.

Впрочем, перед нами с Русланом такой выбор не стоял, потому что телефона в камере у нас не было. Руслан, склонный, как и любой русский, к меланхолии, с этой ситуацией смирился. Я же начал работать над проблемой в двух руслах – легальном и не очень.

Легальный вариант. По правилам, любому подследственному предоставляется право на звонки. Ну если положено – значит, этого можно добиться. Однако задача оказалась непростой. Для начала нужно было решение суда, но этого адвокат добился более или менее оперативно. Дальше дело стало за СИЗО. Чтобы позвонить, нужно воспользоваться специальным таксофоном. Паутина, обрамляющая комнату телефонных переговоров, явно говорила о том, что процесс этот вышел из моды. Переговоры надо было оплачивать, но

мнения, как это делать, разделились на:

– не знаю;

– надо купить карточку в тюремном ларьке.

У продавщицы в тюремном ларьке было одно мнение:

– первый раз слышу о каких-то карточках.

Вообще забавно, конечно: есть право звонить, есть телефон, но ээки правом не пользуются, а надзиратели не знают, как его обеспечить. Совсем не подозрительно, правда?

В результате, после жалоб через правозащитников и десятка-другого заявлений, тетушка, которая на свою беду курировала корпус с комнатой для телефонных переговоров, сама купила телефонную карту и дала ее мне под честное слово вернуть ей такую же. Слово я сдержал и карту вернул (мне ее принес адвокат). Но проблема в том, что у адвоката я, понятное дело, ничего брать по закону не могу (и у тетки, кстати, тоже), поэтому даже легальный способ коммуникации получился какой-то не особо законный.

Нелегальный вариант был интересней и драматичней.

РЫНОК

Как вообще телефоны попадают в тюрьму? В основном так же, как и тела надзирателей, – в форменной одежде. Тут удивляться нечему, старая добрая коррупция. Понятное дело, речь не только о телефонах, а вообще обо всем. Полковники ФСБ закупают себе омаров и вина, зэки попроще – шашлыки и водку, наркоманы – героин, не наркоманы – гашиш, потому что, как известно, трава не наркотик. Кстати, единственный массовый наркотик, подвергаемый преследованиям в тюрьме, – это спайсы, потому что человек под их воздействием очевидно неадекватен, а значит, палит всех – и зэков, и охранников.

Но тут сразу включается тюремная диалектика. Наркотик – это «запрет». Спайс – это наркотик. Запретить «запрет» авторитеты не могут, так как это суть мусарское действие. Поэтому в воровских прогонах предписывалось «воздержание». Чувствуете, какое тонкое решение?

На все запреты есть понятийные расценки. Ну например, «фонарик» (телефон, который не смартфон) стоит 10 тысяч; «тэ-эр» (телефон, который смартфон: почему его так называют, не знаю; возможно, сокращение от трубы) – 15 тысяч; пронести в камеру что угодно в размере сигаретной пачки (например, микс метадона и кокаина) – 5 тысяч. При этом спекуляции могут быть чреватые. Продавать с наживой – это

барыжничество, а барыжий движ не приветствуется. Покупать дороже – это идти против рынка и способствовать повышению цен. Понятное дело, что айфон за 15 тысяч не купишь, но их и нет в массовом обороте. Они покупаются не на «рынке», а индивидуально.

Те, кто носят запрет в зону, называются «ноги». У них тоже примерно понятные расценки: либо за пронос, когда оборудование передают с воли, либо за продукт, когда ноги достают его для заключенных сами. Например, бутылка водки – тысяча рублей. При этом цена за пронос не зависит от стоимости оборудования. Например, если цена – десять тысяч за десять аппаратов, пронос десяти Vertu и десяти Nokia 3210 обойдется в одну и ту же сумму. В Москве этот торг идет чуть ли не в открытую. Сотрудники меняются часто, но их не сажают, а увольняют. Впрочем, те не сильно расстраиваются – за полгода можно сколотить неплохую сумму. Основная масса рекрутов ВОХРы – из ближайших к Москве регионов, работа в столичных централах помогает им встать на ноги.

Чем больше контроля, тем осторожней ноги. Чем осторожней ноги, тем меньше зэков, с которыми они контактируют. И хоть барыжий движ не приветствуется, барыги, конечно, есть. Как же без них. Вообще, это, по-моему, очень удобно. Пошел к барыге, сказал: «Мне нужен mp3-плеер». Ну хорошо, переплатил пару тысяч рублей, зато барыга взял на себя риск. Срок по статье за взятки группой лиц по предварительному сговору – 10 лет. Десять, конечно, не дают,

но пять – вполне, видел пару таких примеров в колонии Нарышкино. Трудно найти более точную иллюстрацию тезиса «время – деньги».

Но в моем случае описанная выше схема явно не подходила. Оперативники, которые традиционно контролируют всю коррупционную движуху в московских СИЗО, от моей камеры шарахались (собственно, и не оперативники тоже). Доходило до смешного: мы договорились с баландером, который с утра разносил хлеб и сахар, что он сделает нам нормальную заточку, чтобы резать хлеб. Даже авансировали ему пачку сигарет. Но ему не разрешили передать нам заточку: видеокамеры, Большой брат смотрит. Если вы не впечатлились, перефразирую: при сотруднике СИЗО мы договорились, что зэк сделает нам нож. Он принес нож, но сотрудники не разрешили отдать. Не отобрали, не подняли тревогу: «Зэк с ножом!», а просто не разрешили отдать.

Существует и другой нелегальный способ, но он исключает вовлечение сотрудников администрации в процесс, поэтому они с ним активно борются. Называется этот способ «бросы».

СИЗО, а тем более зона – это все-таки большая территория, всю ее трудно контролировать с одинаковой эффективностью, особенно промку – часть, где рабочие цеха. Поэтому запреты перебрасывают через ограждения. Технологии используются самые разные, тут все зависит от того, что, куда и откуда надо бросить: можно рукой, можно рогаткой, а мож-

но и арбалетом. Наверняка тебя, мой друг-читатель, заинтересовал последний способ. Все-таки помимо забора (высокого) есть еще контрольно-следственная полоса (широкая), к которой подходить подозрительно и нежелательно. Поэтому, натурально, к арбалетным болтам пособники с воли приделывают запреты и стреляют через забор. Часть теряется, но ведь часть – доходит. Собственно, иногда перебрасывать не обязательно, можно и подкопаться или использовать гужевую кошачью силу (см. историю про наркотота выше).

В ИК-5, откуда я пишу эти строки, мне рассказали историю, как с воли на зоны запускали дрона (да-да, их использует не только «Амазон»), но якобы на территории стояли специальные глушилки: перелетев забор, дрон потерял связь и упал. Честно говоря, сомневаюсь, что зоны обеспечены таким оборудованием. Хотя глушилки для мобильной связи стоят, одна – прямо напротив моей двери. Но в соседней камере это не мешает пользоваться мобильной связью или смотреть на YouTube «100 лучших исполнителей лезгинки всех времен и народов». Тем более в последнее время появился чувачок, бывший зэк, который берет за доставку 2 кг любого груза 10 тысяч рублей, и уж его точно не парит никакое электронное противодействие ГУЛАГа.

В любом случае, сидя в «Бутырке», ни о каких чудесных средствах радиоэлектронной защиты ФСИН я не знал, поэтому разработал план доставки телефонной связи в нашу светлую хату силами беспилотного летательного аппара-

та (БПЛА).

«Бутырка» находится прямо в городе. Из камер видны близлежащие дома. Я подробно зарисовал обстановку, которая была видна из камеры № 289. С помощью Руслана составил схему тюрьмы, указал, где наш корпус, какое окно и т. д. План доставки мобильного получился большой. Написал я его высокохудожественно, попутно изложив всю схему коррумпированного сотрудничества криминала и администрации.

План состоял из контрольного подлета дрона с целью верификации камеры и позднейшей доставки груза. Груз предстояло забрать удочкой – затянуть веревку с телефонами, привязанную к дрону, в камеру при помощи палки с крючком.

Изюминка плана состояла в отвлекающем маневре. В момент доставки груза сообщник должен был поджечь на улице большую салютницу и положить набок, так чтобы фейерверк взорвался не в ночном небе Москвы, а в дверях главного входа в «Бутырку». На роль этого сорвиголовы я предлагал своего друга, у которого в нашей тусовке на тот момент было прозвище Чубакка, или Чуи. Иллюстрация к отвлекающему маневру:

Сейчас мне трудно понять, насколько создание этого плана было продиктовано тем, что мне было нечего делать, а насколько – адским бардаком «Бутырки», в котором, казалось, его вполне можно реализовать. Думаю, соотношение где-то 50/50.

Весь план я тут не привожу, так как уже не помню, но уверяю, что он был детальный – 14 листов А4 с двух сторон аккуратным плотным шрифтом. Оставалось только передать его на волю, и я спросил у Руслана, который уже год сидел в «Бутырке», смотрят ли документы, когда идешь на встречу с адвокатом. Нет, сказал Руслан. И на следующий день, ко-

гда пришел адвокат, я бесстрашно взял с собой все записи – совершенно не таясь.

Как оказалось, зря.

На встречу с адвокатом меня водил всегда один и тот же молодой охранник. Как оказалось, ему было поручено досконально, вернее супердосконально, меня досматривать.

Охранник, открыв тетрадь с записями, насторожился: план «Бутырки», зарисовки видов из окна. Тетрадку, несмотря на мои бурные протесты, изъял. Помимо плана доставки телефона, там была сказка, которую я начал писать для детей. Она была посвящена борьбе космических коней (сторона добра) с вселенским кузнецом (сторона зла).

Тетрадь мне так и не отдали. Я начал бушевать и ежедневно писать по пять жалоб на всякие нарушения условий содержания. Через пару дней в камеру к нам пришли правозащитники, и я рассказал обо всем. Одна из правозащитниц оказалась журналисткой, и по итогам визита в «Московском комсомольце» появилась такая статья.

Чубакка проник в камеру Навального

У брата оппозиционера изъяли рассказ про охранника Чубакку и самолетик за миллион долларов

Олег Навальный, брат известного оппозиционера, осужденный на 3,5 года, попал в «Бутырке» в забавную переделку. За решеткой заключенный написал рассказ, который сочли... противозаконной инструкцией. Подробности курьеза

и того, во что он может вылиться, выяснил «МК».

На то, что у него отобрали тетрадку, в которой были детские рассказы, Олег Навальный пожаловался правозащитникам в минувшие выходные. В ФСИН пообещали в инциденте разобраться и вскоре тетрадку Олегу вернули, но... Свидетелями дальнейшей перепалки между работником изолятора и заключенным стали правозащитники.

Навальный: Они вырезали оттуда мой рассказ. Целиком!

Сотрудник СИЗО, он же Цензор: Там была поэтапная инструкция по передаче в камеру запрещенных предметов.

Навальный: О чем вы?! Это фантастический рассказ. Увлекательный. Он был в виде письма жене и детям. Там описывался беспилотный летальный аппарат, который стоит миллион рублей. Где бы моя жена взяла столько денег? И как бы она сюда этот аппарат направила?

Цензор: А вот все это у вас и описывалось. И как условные знаки подать, и как отыскать среди всех окон окно нужной камеры. Схемы, планы. Все там есть.

Правозащитница: Олег, это правда?

Навальный: Повторяю, это художественный вымысел. Там есть, например, пункт, как отвлечь охранника. Для этого я использую образ одного из героев фильма «Звездные войны» Чубакки. Где бы я нашел в «Бутырке» Чубакку?

Шутки шутками, но рассказ попал в личное дело Навального. Заключенный переживает, что из-за этого в его деле появится запись типа «склонен к незаконным действиям».

– А я ничего не нарушил, не пытался даже этот рассказ послать жене, – оправдывается он. В ответ тюремщики напоминают, что Навальный взял тетрадку с рассказом в кабинет, где было свидание с адвокатом.

– Да просто в тетрадке все записи, в том числе по моему уголовному делу. Все это абсурд какой-то! Вот даже если представить, что жена послала бы летательный аппарат ко мне и я бы таким образом получил мобильник, что я бы делал с этим телефоном? Тут никуда ничего не спрячешь. Это лишено смысла и цели. Рассказ я написал от скуки. 14 дней книги не приносили, а телевизора в камере нет. Как можно запретить человеку сочинять, фантазировать? Я новый рассказ пишу. Про говорящую лошадь.

Мы порекомендовали Олегу впредь не фантазировать на определенные темы. Пусть лошадь из его нового рассказа держится подальше от СИЗО и не роет копытами подкоп для побега. На всякий случай. А если снова придерутся, как посоветовал член ОНК Максим Пешков, требовать литературного анализа.

Ева Меркачева

Через какое-то время мне написал журналист Андрей Козенко из «Медузы» и предложил написать что-нибудь для них, и я написал рассказ про осужденного Чубакку. Таким образом я прослыл фанатом Star Wars. Очень, должен ска-

зять, незаслуженно.

Допрос обвиняемого Чубакки

Михеев держал руки под водой. Ледяная струя, слегка окрашиваясь в бурый цвет, смывала в чугунную раковину кровь с рассеченных костяшек. Вид трех глубоких царапин на руке заставил майора Михеева впасть в неожиданное уныние. За свои 45 лет он успел побывать в большом количестве передряг, получил скол на зубной эмали во время подавления одиночного несанкционированного пикета, позже получившего название «бунт бандерлога». У него был орден «Поддержание порядка» 2-й степени и именная нагайка. Прошлым летом его сильно покусали пчелы; тогда он чуть не умер: скорая помощь, пропуская правительственный кортеж, приехала с четырехчасовым опозданием, когда Михеев уже опух. И только тонкий топливный шланг, который его зять пропихнул, раздирая слизистую, вглубь его горла, удерживал его на грани жизни и смерти.

Но даже тогда, когда он сгорал в агонии глубокой аллергической реакции, ему не было так обидно и тоскливо, как сейчас. Дело в том, что на юбилей коллеги подарили ему сертификат на двухчасовой урок по гончарному делу. Дочери Михеева уже год как вышли замуж и покинули родительское гнездо (однокомнатную квартиру на окраине мегаполиса). Майор пытался открыть второе дыхание в отношениях со своей дородной и вечно розовощекой женой, сорокапяти-

летней Ангелиной. Он никогда не любил Ангелину, на женитьбу его подтолкнули карьерные амбиции, которые рухнули вместе с посадкой тестя – генерала ФСБ.

К этому времени Ангелина была беременна двойней, а Михеев был майором. Следующие двадцать лет Михеев тоже был майором. Его любимой книгой была повесть «Полковнику никто не пишет» Маркеса. Михеев перечитывал ее много раз, мысленно заменяя слово «полковник» на «майор». Вот уже четвертый год подряд зарплату он получал продуктовым пайком, сплошь состоявшим из круп и кореньев, что лишало майора возможности завести любовницу. Брать взятки мешали принципиальность, трусость и отсутствие желающих давать взятки. Оставалось попытаться влюбиться в жену. Отрицая бездарность прожитой жизни, он выдумал для себя историю угасшей любви, которую хотел возродить.

Майор Михеев смотрел на ободранные в кровь костяшки и испытывал горечь. Он понимал, что теперь на уроке гонимого мастерства он не сможет представлять себе сцену из фильма «Привидение», в которой партнеры, переплетаясь в единое целое, творили любовь и искусство. Глина неизбежно забьется ему в свежие раны и будет причинять ему страдания, напоминая, как убога на самом деле его жизнь.

«Михеев, ты чего там залип?» – голос полковника Пестерова вырвал Михеева из плена задумчивости и перенес в сырое полуподвальное помещение с тусклым освещением и сильным запахом грибов.

– Роман Андреевич, я руку ободрал об его зубы.

– Так ты по зубам и не бей, а то навечно майором и останешься.

Полковник громко засмеялся, Михеев натянуто улыбнулся. Он знал, что – вне зависимости от чего бы то ни было – он навсегда останется майором. Полковник Пестеров тоже это знал. Ему нравилось шутить над нитевидным пульсом карьеры Михеева. Еще ему нравились Агата Кристи и сложные запутанные преступления. Полковник Роман Андреевич Пестеров служил в управлении по архиважным делам ЧК и слыл непревзойденным сыщиком по части резонансных, мистических и оскорбляющих чувства верующих дел. Каждый раз, выходя на след преступника, полковник представлял, что он – реинкарнация мисс Марпл. Он настолько сжился с образом старушки-детектива, что в своем юном 33-летнем возрасте начал принимать лекарства от ревматизма и украдкой вязать. В его огромном казенном сейфе между табельным наганом и почетным орденом, дарованным ему Патриархом РПЦ и ЦБ, лежали светло-бежевый чепчик и теплая пуховая шаль. Голос полковника Пестерова был не по годам скрипуч, а водянистый взгляд его был преисполнен мудростью поколений.

Прошлый год был весьма удачен для полковника. Он с блеском раскрыл и подвел под расстрел сеть карикатуристов-богохульников, тайно протестовавших против канонизации Пресвятейшей Жабы На Трубопроводе. Инициировал

и с блеском доказал в суде необходимость и обоснованность ареста курса рубля. Полковник преследовал преступников без устали, с блеском неугомонной английской старушки в глазах.

Даже находясь в отпуске в родном Сталинграде, он играючи раскрыл заговор против главного атамана, которого недоброжелатели обвиняли в казнокрадстве и шубохранении. Используя живой ум и мертвую хватку, он с легкостью доказал, что в шубохранении виновато шубохранилище, но никак не сам атаман.

Сейчас у него в производстве было два дела. По первому проходила мать восемнадцати детей Людмила Светланава, обвиненная в шпионаже в пользу Хрюши. Скромная мать-героиня, рядовая жительница городского поселения Батюшки Святы Иркутской области, член родительского совета местной школы. Она полностью признала свою вину, сломавшись после того, как четвертого ребенка принудительно отправили в интернат. В своих показаниях Светланава подробно описала, как она во время семейного просмотра «Спокойной ночи, малыши!» (как выяснило следствие, у одного из героев программы, так называемого Хрюши, были обширные связи на Украине) сообщила своему мужу сведения о тройном удорожании гречки, тем самым подорвав обороноспособность страны.

Второе дело, следствие по которому он вел в данный момент, было сложнее. Обвиняемый молчал.

Полковник Пестеров, который вел это дело в сотрудничестве с комендатурой Главного военного управления воздушно-космических сил, обладал проницательным взглядом мисс Марпл (хотя втайне желал обладать ее артритом) и ни на секунду не сомневался в выбранной тактике.

Он продолжил допрос.

«Итак! – полковник встал из-за стола и начал движение по кругу, раз за разом обходя ссутулившееся, тяжело дышащее тело, прикованное наручниками к стулу, стоящему в центре комнаты. – Продолжим допрос! Обвиняемый Чубакка, с какой целью вы, находясь напротив центрального входа в СИЗО № 1488 в ночь на 1 января, имели при себе пиротехническое устройство – шутиху „Бакара“?»

Грузное, сплошь покрытое сальными волосами тело Чубакки продолжало вздвигаться, демонстрируя, что после восьмичасового допроса оно еще живо. Волосы, пропитанные потом и слюной, лезли в потухшие глаза. Из разбитых губ не переставая сочилась кровь.

В последние два часа вопросы, задаваемые полковником, не вызывали никакой ответной реакции Чубакки. Однако после каждой фразы Пестерова майор Михеев наносил четыре удара попеременно правой и левой рукой (два в корпус, два в голову). Волосы настолько спутались на лице Чубакки, что Михеев иногда, задумываясь о чем-нибудь своем, бытовом, наносил удар по приоткрытому рту великана, что и привело к появлению досадных ссадин на руках майора.

– Кто передал вам шутиху?

Раз. Два. Три. Четыре. Михеев представлял, что он движется классическим стилем на лыжах морозной зимой в полях родной Мордовии.

– Сколько вам обещали заплатить за диверсию?

Раз. Два. Три. Четыре.

Пестеров резко подскочил к Чубакке, рванув его за гриву на затылке, поворачивая лицо к свету от закопченной лампы, и заорал тонким срывающимся голосом:

– Нет смысла ничего отрицать! У нас на руках ваш план! Мы захватили центр управления БПЛА! Все твои поделнички уже дают показания! Говори, а то сгниешь здесь, сука!

Бессмысленный взгляд Чубакки на секунду прояснился, язык с трудом отлип от нёба (он ничего не пил уже четвертые сутки). Прославленный космический путешественник прошептал:

– Агрххррхагрр.

Пестеров безгласно оттолкнул голову, достал из нагрудного кармана кружевной платок с вышитыми инициалами Р.А. и значком древнеегипетского бога солнца, тщательно вытер руку и произнес:

– Михеев, у тебя дома есть болторез или электролобзик?

– Электролобзик, – задумчиво повторил Михеев. Он вспомнил, как год назад обещал жене починить треснувший плитус.

– Тогда тащи лобзик, допрос этого косматого либерала

продолжим завтра, я опаздываю уже.

На 21:00 в главке ЧК был назначен корпоратив по случаю 15-й годовщины Казачества и Стабильности. В этом году среди приглашенных звезд должен был выступить Энрико Палаццо. Полковник Пестеров стремительно вышел, небрежно бросив: «Михеев, дай ему попить, а не то подойдет еще».

Михеев в оцепенении стоял минуту-другую, глядя в стол. Потом вздохнул, набрал из-под крана холодной воды (горячая, по уверению государственного управления пропаганды, была давно выпита агентами ЦРУ), поднес кружку к губам Чубакки и начал заливать жидкость в приоткрытую пасть. Великан еле слышно проревел что-то бессвязное, жадно глотая воду. «Ну будет тебе, будет», – приговаривал Михеев. Чубакка оживился и стал рычать что-то на одном ему понятном языке. Михеев кивал головой и продолжал приговаривать: «Да не упрямясь ты, соглашайся на все, дадут лет тридцать, не больше. Ленин вон тоже сидел, и ничего. Знай себе чернильницы из хлеба ел, да с ежами о жизни толковал».

Через два часа Михеев ехал домой. Троллейбус, приводимый в движение торфяным двигателем, вез майора из центра города на запад. Вопреки обыкновению, троллейбус даже ни разу не заглох, но и отопление в нем так и не заработало. Глядя на размеренные движения кочегара, Михеев засыпал, размышляя о клевере, лыжах, своей жене Ангелине и гончарном круге.

В кулуарах главка ЧК полковник Пестеров обнимал пышнотелую жену главного атамана Сталинградской губернии. Он думал о чае с молоком и о том, как ему через неделю вручат очередной орден Золотого Батона.

В подвале СИЗО № 1488 Чубакка беззвучно плакал, не понимая, как он – ветеран борьбы с Темной стороной Силы – оказался на этой забытой богом планете, где запрещено разгуливать с фейерверками в Новый год.

Олег Навальный, 03.02.2015

P. S. Все вроде. Даже место осталось. На всякий случай уточню, что все совпадения имен и аббревиатур случайны. Рассказ является вымыслом, а вся наша жизнь – игрой. =)

Руслан

Вся эта история закончилась для меня без последствий. Уже под отъезд я попал на прием к замначальнику СИЗО. Как зовут, не помню, но он был похож на инструктора из «Цельнометаллической оболочки» Стэнли Кубрика. Я все время ждал, что он заорет: «Херня, я вас не слышу!» Но он хорошо держался. Возможно, оттого, что на встрече были еще двое правозащитников.

Он сказал мне:

– Мы же можем полосу тебе вклеить.

Не расшифровываю тут, что это значит, так как на тот момент о полосе я имел такое же представление, как и любой не сидевший человек. На всякий случай я ответил:

– Можете, но это докажет, что у вас нет чувства юмора.

Это была сильная аргументация с моей стороны, так как в итоге никакой полосы мне не вклеили и даже не объяснили, что это такое, а тетрадь отдали, нежно срезав лезвием листы с планом доставки мобильного телефона силами БПЛА (а заодно и с описанием коррупционных бутырских схем).

Для моего соседа Руслана последствий было больше. Но прежде чем рассказывать об этих последствиях, пара слов о нем самом. Лет сорока, брит под двоечку по всему периметру головы, высок, грузен и частично сед, носитель прозвища (ака погремуха) Дядька. Рот на треть в железных зубах, на

треть – в своих, оставшаяся треть отсутствует.

В 90-е Руслан воевал на юге России и по совместительству севере Кавказа, а потом был в бригаде и нежно «заботился» о предпринимателях трех вокзалов, за что получил условный срок. После этого тихо-мирно жил во Владимирской области, работал сварщиком продвинутого уровня. Но тяжелая экономическая ситуация в стране лишила его жену работы, и он взялся подхалтурить. Работал в схеме мошенничества со страховкой. Собственно, его роль была достаточно проста: он возил фиктивных покупателей в автосалоны Москвы и обратно в их родные городки и деревни. В самой схеме, понятное дело, участвует больше людей. Кто-то ищет покупателей, кто-то подделывает документы, кто-то в автосалоне одобряет кредит, кто-то сбывает купленные таким образом машины. Для самого Руслана экономический эффект от мероприятия не был грандиозным, зато все казалось достаточно безопасным: знай себе вози людей туда-сюда.

Через год следствия Руслану светило участие в организованном преступном сообществе, и это ввергало его в печаль, поскольку санкция за это была внушительная. За то, что Руслан попал в тюрьму, он ругал себя, своих подельников (в особенности сотрудничавшего со следствием), но больше всего – государство, которое, как он считал, толкнуло его на путь преступления. В чем-то он, безусловно, прав. Заработок сварщика не так мал, но недостаточен для того, чтобы обеспечить достойный уровень жизни семьи, будучи един-

ственным кормильцем. Плюс ко всему ипотека. Ну, не совсем ипотека. Ипотечного кредита не дали, поэтому они занимали денег у знакомых, остальную часть взяли потребительским кредитом, проценты по которому подросли после обвала рубля. В результате Руслан без работы и в тюрьме, а его жена без работы, на воле, с двумя детьми и кредитом.

Уже позже, из лагеря, я помог его жене устроиться на работу. Очень печально, когда женщина с высшим образованием готова ездить на сменную работу из Владимирской области в Московскую за 30 тысяч рублей в месяц. В целом это подтверждает тезис о косвенной виновности государства в том, что люди идут на преступления. Понятное дело, кроме Руслана, никто не виноват в том, что он попал за решетку. Но его мысли о государстве позволили нам вступить в мощную идейную коллаборацию.

Конечно, я читал книжки про политзэков и знал, что к ним постоянно подсаживают стукачей, провокаторов и прочее. Поэтому я был настороже, но не очень долго, так как политзэк я понарошечный. Сiju из-за политики, но не из-за своей. Поэтому интерес для власти представляю примерно такой же, как уровень жизни в Еврейской автономной области. Стукачей приставляют либо в интересах внешних потребителей (например, ФСБ, но им до меня особого дела не было), либо в интересах потребителей внутренних, то есть администрации «Бутырки». Им я тоже был до фени: очевидно, они знали, что пробуду я у них очень недолго, и вся их

деятельность была направлена на мою максимальную изоляцию и дистанцирование. Кроме того, жители моей и соседней хаты, которые также были лишены прелестей мобильной связи, сильно подозревали, что камеры на прослушке. Конечно, можно договориться с авторитетами, чтобы телефоны в камеру не передавали, но по понятиям обмануть мента не запахло, да и без ведома авторитетов получить телефон можно. Однако если в других камерах обыски были основательные и регулярные – с пробиванием полов и стен в поисках тайников и так далее, то за два месяца, что я провел в «Бутырке», ни нас, ни соседей не обыскали ни разу, ну почти. Поэтому я не сильно переживал, что Руслан может оказаться шпионом, – тайн у меня не было все равно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.